

Григорий Шепелев

Пастушок

Роман

18+

Григорий Шепелев

Пастушок

«Автор»

2018

Шепелев Г. А.

Пастушок / Г. А. Шепелев — «Автор», 2018

Пианистка Ирка снимает двухкомнатную квартиру. В маленькой комнате она спит, а в большой стоит старинный рояль. И ночью этот рояль за стеной начинает тихо звучать. Кто-то нажимает поочерёдно несколько клавиш - одних и тех же, из раза в раз. Это происходит каждую ночь, с полуночи до зари. Встать и приоткрыть дверь Ирка не решается. А однажды двое соседей, проникнув ночью в её квартиру и заглянув во вторую комнату, моментально находят там свою смерть...

© Шепелев Г. А., 2018

© Автор, 2018

Григорий Шепелев

Пастушок

Часть первая

Глава первая

Торговли не было даже после шести, когда мимо магазинчика повалил от метро народ. И это не удивляло – восьмое марта уже прошло. Более того – опять наступил февраль, хоть все уж настроились на весну. Ирка и Лариска выпили коньяку, подаренного хозяйкой. Принять участие в этом деле Ирка решила только ввиду ужасной погоды. Коньяк она не любила. Если бы на Земле из всего спиртного остались одни только коньяки, ей сразу пришлось бы сделаться трезвенницей. Не быть же кислой занудой! У неё было твёрдое ощущение, что пять звёздочек возбуждают унылое мозгоблудие ещё больше, чем три сосны.

– Уж лучше потерять с водкой, чем с коньяком найти, – заявила Ирка, вынув из-под прилавка конфету и творожок, чтобы основательно закусить, – это моё мнение.

– И моё, – вздохнула её напарница. Скручивая с бутылки пробку, она посмеивалась. Ещё бы! Последние года три Ирочка и с водкой, и с коньяком, и даже без них тем только и занималась, что находила предельно странные вещи. Чего далеко ходить – не далее как вчера эта ненормальная, уступив своей сестре Женьке общую их квартиру на Вешняковской, сняла какую-то конуру в Павловском Посаде. Когда всплывали детали, все ужасались. Первый этаж разваливающегося дома, в котором даже подростки уже спились!

– Так ты хорошо подумала? – в сотый раз спросила Лариска, опорожнив свой бокал и ставя его опять на прилавок, – твоя сестричка вроде взялась за ум! А то, что она купила альт-саксофон, беда небольшая. Может, она два дня на нём поиграет, да и забросит! Я никакого не вижу смысла тебе от неё съезжать.

– В том-то всё и дело, что Женька взялась за ум, – объяснила Ирка, влив в себя дрянь, – ей двадцать один. Ещё год назад у неё в башке свистел ураган, она без меня пропала бы! А теперь она – фельдшер на Скорой помощи. Почти врач! Когда к ней приходят парни, я не могу их уже гонять, как гоняла раньше. Кто я такая?

– Ты – старшая сестра! Да и при чём здесь какие-то её парни? Чем они могут тебе мешать? В квартире – две комнаты!

– Да, но стены – одно название! Всё ведь слышно! Знаешь, как слышно?

– Ты что, завидуешь?

Ирка молча кивнула. Если бы не коньяк, она бы ответила, что ей стоны и вопли мешают спать. Но под коньяком любое враньё звучало коряво. Оно царапало рот.

– Дай-ка мне ещё разок поглядеть на её последнюю фотографию, – попросила Лариска, – я не успела внимательно присмотреться к правому глазу.

– Он не косит, как мой.

Достав из кармана юбки смартфон, Ирка отыскала требуемую фотку и показала её Лариске. Та удивлённо скривила свои блестящие губы.

– Слушай, одно лицо! Ну просто одно лицо! Ты на сколько лет её старше?

– Почти на семь. Без четырёх месяцев.

– Обалдеть! Вы просто близняшки! Но она больше, чем ты, похожа на Анжелику Варум. Знаешь, почему?

– Почему? – оскорбилась Ирка.

Ответа не прозвучало, поскольку дверь неожиданно распахнулась, и в магазин ввалился мороз с белой бородой. За ним вошёл покупатель, окутанный снежным облаком. Закрыв дверь, после чего облако опустилось к его ногам, он взглянул на девушек и сказал с нотками иронии:

– Добрый вечер! С прошедшим праздником, дамы. Или он всё ещё продолжается?

Торопливо спрятав бокальчики и коньяк, обе продавщицы приветливо засверкали всеми шестьюдесятью тремя зубами – у Ирки не было одного. Его сгубил кариес. Игнорируя горький опыт, Ирка оставшимися зубами вгрызлась в конфету. Её коллега, тем временем, вгрызлась по уши в кошелёк незнакомца, опытным взглядом определив все его потребности и возможности.

– Добрый вечер, – проворковала она, подиумной поступью огибая угол прилавка, чтобы сокрушить иронию мужика своей новой юбкой, больше напоминавшей пояс, – у нас сегодня день скидок! Розы – свежайшие. Их доставили час назад. Лилии, тюльпаны, флоксы и хризантемы привезли днём. Но все они первосортные.

– Меня розы интересуют, – сказал мужчина, глядя на юбку больше с недоумением, чем с восторгом.

– Какие именно?

– Белые.

И мужчина обвёл глазами цветы, стоявшие на прилавках в вёдрах с водой. Лариска застрекотала, расписывая особенности сортов душистых красавиц. При этом она, конечно, пустила в ход весь свой арсенал обаяния, разве что до стриптиза не дошло дело. А Ирка во все глаза смотрела на незнакомца. Он имел странный вид. Лицо его было вполне приличным, даже красивым – тонкий и прямой нос, выбритые щёки, синие пристальные глаза под чёлочкой с проседью. Но шинель! Да, он был в шинели, белой от снега, который не спешил таять. Пуговицы этой шинели были как будто бы золотыми. Но, разумеется, вряд ли. Застёгивалась она на четыре пуговицы, да две ещё красовались сзади, на хлястике. И на каждой был отчеканен герб – двуглавый орёл со скипетром и державой в когтистых лапах, с коронами на обеих уродливых головах.

– Какая у вас шинель! – не сдержалась Ирка, прервав Лариску, которая щебетала и щебетала, жестикулируя не слабее, чем Ума Турман, – должно быть, белогвардейская?

– Царская, – глупо сумничала Лариска, скосив глаза на пуговицы шинели, – вот погляди, на орле – короны! Белогвардейский орёл не имел никаких корон.

– Вы обе неправы, – обескуражил её загадочный покупатель. Но объяснять ничего не стал. И слушать дальнейшую трескотню Лариски не захотел, – я беру вот эти, по сто пятьдесят рублей. Мне нужно шесть штук.

Лариска и Ирка изобразили на пьяных мордах печаль, близкую к отчаянию.

– У вас горе? – вздохнула первая, – соболезуем. Вы платить будете наличными или картой?

– Горе не у меня.

Ответ, разумеется, показался девушкам странным. Но продолжение было ещё более удивительным.

– Я сегодня не при деньгах, – без тени смущения объявил носитель странной шинели, внимательно поглядев сперва на Лариску, затем – на Ирку, которая, сев за кассовый аппарат, языком вытаскивала из щели между зубов остатки конфеты. Две работницы магазина переглянулись. Печаль, близкая к отчаянию, уцепилась за их сдвинувшиеся брови и закачалась.

– Вы собираетесь платить картой, я правильно понимаю? – с едва заметной прохладностью подала голосок Лариска.

– Никакой карты нет у меня, – сказал незнакомец и сунул руки в карманы своей шинели, как бы желая их вывернуть. Но не вывернул. Взгляд Лариски стал ледяным. Она иронично цокнула языком.

– Видите ли, здесь – магазин. В магазине платят, прежде чем взять товар! Вы об этом слышали?

– Да, представьте, я не с луны свалился, – нетерпеливо проговорил мужчина, делая резкий жест, – но я уже объяснил вам, мадемуазель, что денег у меня нет! Совсем, никаких. Ни наличных, ни электронных. Мои карманы пусты! Но мне нужны розы. Шесть белых роз.

– Это потрясающе! Только как же вы собираетесь...

– Пусть возьмёт, – вдруг сказала Ирка. Плотная карамель накрепко засела между зубами. Языком было её не вытащить, а ногтями лезть не хотелось – ведь перед ней, перед продавщицей, стоял какой-никакой, а всё-таки покупатель. Выпроводить его как можно скорее! Вдруг этот псих окажется буйным? Лариска, которая ради девятистот рублей вцепилась бы в горло буйному носорогу, на каблуках повернулась к своей напарнице.

– Ты больная? У нас и так уже нехватка!

– Я разберусь, – поморщилась Ирка, – это мои проблемы, а не твои. Мужчина, возьмите розы!

Мужчина взял, отсчитав шесть штук. Затем он подошёл к кассе, не обращая внимания на Лариску, которая с показной брезгливостью отшатнулась с его пути.

– Я правильно понимаю, что у вас нет ни стыда, ни совести? – спросил он, пристально уставившись в правый глаз встревоженной Ирки, который слегка косил. Ирка улыбнулась, однако вовсе не для того, чтоб спрятать свою встревоженность.

– Очень тонкое наблюдение.

– Вы совсем не верите в то, что совесть и стыд нужны?

– Да, совсем не верю.

– А почему вы так недоверчивы?

– Я доверчива. Но наивность и глупость – это немного разные вещи. Вы не находите?

– Нахожу. Но разве одни глупцы верят в глупости?

– Я имела в виду другое, – замялась Ирка.

– Что именно?

– Я не знаю, как объяснить. Конечно, вы правы, разные люди верят в довольно странные вещи и совершают странные действия. Больше мне сказать нечего.

– Разделяю вашу позицию. Вы сейчас совершили странный поступок, отдав мне розы задаром. Ваша коллега вам это объяснит очень убедительно и доступно, когда я выйду отсюда. А вы ведь умная девушка! Вы ведь умная?

– Я не знаю, – стала терять терпение Ирка, – не мне об этом судить!

– К счастью, да. Вы бы осудили себя на смерть, что было бы даже несправедливо. Я уж не говорю о милости! Мне досадно, что вы пришли к таким удивительным выводам и итогам, мадемуазель. Я не утверждаю, что это плохо, что всё должно быть иначе. Я утверждаю только, что раздосадован. Чёрт возьми!

С этими словами витиеватый халявщик, державший розы левой рукой в кожаной перчатке, пальцами правой схватил одну из четырёх пуговиц на своей шинели и оторвал её. После этого ослепительный металлический кругляшок с двуглавым орлом был протянут Ирке.

– Мадемуазель, возьмите!

Ирка взяла, чисто машинально протянув руку. Масса предмета, который лёг на её ладонь, была впечатляющей.

– Золотая? – приподняла Ирка брови.

– Конечно. Возьмите, мадемуазель!

Два последних слова были обращены к Лариске. Ей на руки легли розы. Расставшись с ними, более чем загадочный незнакомец резко мотнул головой, стряхивая с чёрных волос подтаявший снег, поднял воротник, открыл дверь и вышел из магазинчика прямо в белый февральский вихрь, который обрушился на Москву девятого марта.

Глава вторая

Было уже одиннадцать вечера, когда Ирка сошла с электрички на станции Павловский Посад. Спустившись с платформы вместе с десятком других поздних пассажиров, она направилась через площадь к крытому рынку, чтобы его обойти и попасть на улицу Кирова. Там стоял двухэтажный многоподъездный дом, в котором снимала она квартиру. Дом был начала прошлого века. Его хотели снести ещё при Советской власти, но вместо этого снесена была сама власть, а в новом столетии всем уже окончательно стало и не до этого дома, и не до этого городка с его контингентом.

Все основные вещи были вчера перевезены на такси. Поэтому Ирка несла в руке лишь пакет с десятком яиц, двумя огурцами, буханкой хлеба и маслом. Маленький городок уже засыпал. Прохожих было чуть-чуть, машин – ещё меньше. Снегопад стих, и небо полностью прояснилось. Рогатый, но безголовый месяц так вероломно тянулся своими жёлтыми пальцами к монастырской церкви, что можно было подумать, он собирается взять себе её золотую голову. Вдалеке, за монастырём, белело затянутое льдом озеро. Ирке было холодно и тоскливо. Когда она оглядела рынок, её мобильник нарушил мрачную тишину привокзальной площади.

– Чего надо? – недружелюбно спросила Ирка, выйдя на связь.

– А где твои вещи? – миролюбиво спросила Женька, – ты что, уже переехала?

– Тебе скучно? – вспыхнула Ирка, – лайкни в соцсети какую-нибудь картинку с древнеиндийской свастикой или разожги ненависть к какому-нибудь дерьму – мгновенно получишь мощную развлекуху! Целых пять лет веселиться будешь! А от меня отстань! Поняла?

– Ты сама фашистка, – всхлипнула Женька, – сама отстань! Кто к тебе когда-нибудь приставал? Я делала всё, чтоб мы с тобой жили мирно! Я так старалась!

– Ты слишком слабо старалась. Всего два зуба мне выбила молотком, только половину зарплаты у меня спёрла! Кто так старается? Ты халтурщица!

– А ты сука, свинья, обманщица! – зарыдала Женька, – да, ты всё врешь! Я тебе не выбила зубы, а только губы разбила в кровь! А деньги мне были очень нужны, я ведь объяснила!

Ирка молчала. Она шагала уже по улице Кирова, иногда забираясь в сугроб от встречных машин, чтоб те её не забрызгали реагентами. Женька громко ревела в трубку. Потом она неожиданно успокоилась и сказала, чиркая зажигалкой:

– Кстати, меня уже на другую подстанцию переводят. Сказать тебе, на какую?

– Конечно же, на Центральную, в Склиф, – усмехнулась Ирка, – куда же тебя ещё? Разве что в Кремлёвскую! Но там нет никаких подстанций.

Женька от удивления что-то в комнате уронила, и, кажется, себе на ногу, потому что громко разойкалась. А затем начала орать:

– Да! Именно в Склиф! Но как ты узнала? Тебе кто-то позвонил? Кто? Виктор Васильевич? Ну, конечно! Ведь это он всё организовал! Он дал мне рекомендацию в Склиф!

– Женька, не гони, – опять разозлилась Ирка, – Виктор Васильевич никогда тебе не поможет устроиться даже в морг, от тебя покойники разбегутся! Какой ещё к чертям Склиф? Ты что, нажралась?

– Я не нажралась, сама нажралась! – завизжала Женька и дала клятву, что их сосед, врач Виктор Васильевич Гамаюнов, действительно оказал ей поддержку с трудоустройством на Центральную подстанцию Скорой помощи имени Склифосовского. Прозвучало всё это убедительно.

– Хорошо, – задумалась Ирка, – завтра я позвоню Виктору Васильевичу и выясню, пошутил он или свихнулся. Потом позвоню тебе. А сейчас ты мне уже надоела. Я подхожу к подъезду, спокойной ночи!

– А что у тебя за дом? – не отстала Женька.

- Обычный дом. Двухэтажный.
- С лифтом?
- Конечно. Со скоростным. Прямо в небеса.
- Женька рассмеялась.
- А что ещё там есть интересного?
- Старый, пыльный рояль.
- В квартире?
- Ну не на улице же!

– Играй, – разрешила Женька. Её сестра, которой уже действительно надоел этот разговор, выразила ей горячую благодарность, нажала сброс и пошла быстрее. Она слегка обманула Женьку – дом ещё только виднелся среди других, похожих домов. Завернув к подъезду, Ирка увидела рядом с ним двух милых очкариков пожилого возраста, женщину и мужчину. Это была семейная пара, сдавшая ей жилплощадь. Странное дело – сидя сейчас в электричке, Ирка зачем-то твердила мысленно имена двух арендодателей: Ольга Фёдоровна, Борис Владимирович. Как знала! Жили приятные старички, работники умственного труда, километрах в двух, за монастырём с красивой высокой церковью. Разумеется, Ирку насторожило то, что они внезапно примчались к ней почти ночью и вот стоят ещё, ждут на холоде! Ей немедленно показалось, что их очки мерцают под фонарём подъезда как-то особенно.

– Добрый вечер, – сказала Ирка, приблизившись, – не меня ли вы ждёте, Борис Владимирович и Ольга Фёдоровна?

– Вас, Ирочка, вас, – смущённо засуетился Борис Владимирович, в волнении позабыв, что надо бы поздороваться и жене дать время на это, – просим простить, что не позвонили – стоит ли, думаем, беспокоить звонком? Ведь повод ничтожный, совсем ничтожный, а вы устали наверняка! Вчера вы сказали нам, что домой вернётесь часов в одиннадцать. Вот решили вас подождать около подъезда...

– Но вы могли бы в квартире запросто подождать, – заметила Ирка, берясь за дверную ручку, – зачем же мёрзнуть? Пойдёмте попьём чайку, и вы мне расскажете про ничтожный повод, ради которого вам пришлось пересечь полгорода ночью.

– Ни в коем случае! – замахал руками Борис Владимирович. А спутница его жизни, вдруг заблестев очками ещё более взволнованно, начала объяснять про внучку, которая ждёт бигмак из Макдональдса, про собаку, которая ждёт прогулку, и про волнистого попугая, который хоть и не ждёт ничего, но может дожидаться гадости от кота, которому восемь месяцев.

– Хорошо, – согласилась Ирка, опустив руку, – что вы хотите? Сразу вам говорю, что я всем довольна и никаких вопросов у меня нет.

Семейная пара переглянулась, после чего худая и остроносая Ольга Фёдоровна, поправив очки, вполголоса сообщила:

– Там, в большой комнате, есть рояль! Вы его заметили?

– А как можно взять да и не заметить рояль в не очень-то большой комнате? – удивилась Ирка, – к тому же, я – профессиональная пианистка. Мне ли рояли не замечать?

– Профессиональная пианистка? – всплеснул руками Борис Владимирович. Супруга, скосив на него глаза с суровым неодобрением, продолжала:

– Ах, даже так? Это хорошо, что вы пианистка, Ирочка! Это просто чудесно. Значит, рояль вам мешать не будет?

– Конечно, нет! Я думаю, что он будет даже весьма полезен, если его поднять на полтона. Я, может быть, позову настройщика. Вы не против?

– Ирочка, делайте что хотите, – опять взял слово глава семейства, – но если этот рояль вам начнёт мешать, вы можете его выкинуть. Хоть сегодня! Мы возражать не будем, честное слово! Только скажите, и мы всё сделаем за свой счёт. Мы пригласим грузчиков.

– Да зачем же его выкидывать? – изумилась Ирка, – это французский рояль – немного потрёпанный, но рабочий! Он стоит денег. И я, возможно, буду на нём играть.

– Ради бога, Ирочка, как хотите, – неприятно закивала арендодательница, – позавчера мы не стали внимание заострять на этом рояле – ни к чему, думаем, при просмотре нагромождать лишние нюансы, но вам как будто бы всё понравилось, и сегодня мы уж, на всякий случай...

– Спокойной ночи, – вздохнула Ирка, не видя острой необходимости продолжать эту удивительную беседу. Но не успела она опять прикоснуться к двери подъезда, как та открылась с невероятной певучестью, и под чахлый свет фонаря вышел габаритный мужчина с щетинистым и угрюмым лицом. Одет он был так себе, а пострижен и того хуже. Это был Лёшка, сосед. Он жил в коммуналке. Ирка успела с ним познакомиться накануне, когда приехала с пятью сумками и он чуть не убил таксиста за то, что тот перед ним не посторонился на лестнице, помогая заносить вещи в квартиру. Поскольку Ирка в данном конфликте заняла сторону низкорослого, щупленького таксиста, Лёшка теперь взглянул на неё без всякой приязни. Со старичками он поздоровался вполне вежливо.

– Здравствуй, Лёшенька, здравствуй, – отозвалась Ольга Фёдоровна, в то время как её муж лишь слабо кивнул, – ты неплохо выглядишь. Неужели пить перестал?

– На хлеб начал мазать, – хохотнул Лёшка, достав из пачки «L&M» последнюю сигарету и отрывая от неё фильтр, – а вы теперь проституткам хату сдаёте? Наверное, за валюту?

– Спокойной ночи, – ещё раз сказала Ирка и поспешила войти в подъезд. Ей было досадно – не столько из-за того, что она услышала, а, главным образом, потому, что в голову не пришёл мгновенный и смертоносный ответ. Дверь громко захлопнулась, и за ней раздался смех Лёшки. В подъезде было темно. Под ногами скрипнули три ступеньки, сколоченные из дерева. Пахло плесенью. На площадке первого этажа почти незаметно блестели ручки двери двух коммуналок и двух отдельных квартир, одной из которых временно завладела Ирка. Достав два нужных ключа, она торопливо воткнула каждый в нужную скважину, повернула нужное число раз, затем навалилась на дверь плечом, на ручку – всем весом, как инструктировали хозяева, и вошла. Свет ей удалось включить сразу. Потом она скрупулёзно заперла дверь на оба замка, засов и цепочку. Точнее сказать, на цепь. Дверь была стальная. На окнах были решётки. Все эти металлические предметы Ирка сочла уместными, потому что город слыл криминальным. К тому же, первый этаж!

Она была голодна. Но ещё сильнее хотелось встать под горячий душ. Положив продукты в маленький холодильник, Ирка разделась и заперлась в довольно уютной ванной. Все стены в ней были кафельными от пола до потолка – не то, что в московской! Там на всех стенах от пола до потолка были лишь следы Женькиного скотства в виде раздавленных тараканов и муравьёв. Ирка наслаждалась душем минут пятнадцать, пустив горячую воду под максимальным напором. Ванная наполнялась клубами пара. Дышать становилось трудно. Ирка решила приоткрыть дверь. Она положила душ, закрутила краны, затем отёрнула шторку и наклонилась вперёд, чтобы дотянуться до шпингалета. Достать его удалось, но он был тугим и не поддавался мизинцу. Зачем она заперлась? Её приучила к этому идиотка Женька – то приводя домой пацанов, которые везде лезли, то потихоньку входя и перекрывая под раковиной горячий кран, дабы насладиться визгом за шторкой. И вот теперь из-за этой дуры бедная Ирка отчаянно рисковала, дёргая шпингалет в крайне неудобной и смешной позе. Пятки вполне могли заскользить, и тогда беда! Ценой большого усилия кое-как отщёлкнув чертов засов, она кончиками пальцев толкнула дверь. Но дверь не открылась. Странно! Ирка по ней ударила кулаком. Руке стало больно, однако дверь даже и не вздрогнула. Её крепко удерживали с другой стороны.

Конечно же, Ирка оцепенела и затаила дыхание. Сердце в её груди сделалось тяжёлым, неповоротливым и чужим. Едва ли душа опустилась в пятки, так как они помертвели и перестали чувствовать воду, ещё стекавшую в слив. Когда же горячий и влажный воздух снова

наполнил лёгкие, началось самое ужасное – понимание, что творится именно то, чего быть не может. В квартире не было никого! Абсолютно точно! Двадцать минут назад Ирка обошла обе комнаты, кухню и коридор. Балконная дверь была заперта со стороны комнаты. Может, кто-то прятался под столом? Или под роялем? Но кто? Зачем? О, Господи!

– Кто здесь? – крикнула Ирка, не узнавая своего голоса, – почему вы держите дверь? Оставьте меня в покое!

Ответа не было. Тогда Ирка выпрыгнула из ванны на скользкий кафельный пол. Стремительно натянув халат на мокрое тело, она опять ударила по двери. И дверь распахнулась. Сразу. Легко. Свободно. Необязательно было по ней долбить, достаточно было бы одного касания пальцем.

У Ирки перехватило горло опять, но лишь на мгновение. Взяв из-под умывальника вантуз, будто он мог её защитить, она быстро вышла и, оставляя на полу мокрые следы босых ног, ещё раз проверила всю квартиру. Нет, ни единой живой души! Ирка открывала шкафы, заглядывала под стол, под рояль, за шторы. Но находила одних только пауков. Их было полно. К счастью, пианистка их не боялась. Её вихрастая голова отказывалась рождать объяснение. Бросив вантуз, Ирка прошла в маленькую комнату, где она собиралась спать, и, взяв телефон, позвонила Женьке.

– Я уже сплю, – пробубнила та, громко от чего-то отплёвываясь, как будто ей в рот попало несколько пёрышек из подушки, – ты разбудила меня, свинья!

– Это твои штуки? – визгливо спросила Ирка.

– Какие штуки? – внезапно перепугалась Женька, – я их бросаю в мусорное ведро! Там, около шкафа, только один валяется... Ой! Откуда ты знаешь? Ты что, веб-камеру здесь оставила?

– Заткнись, тварь! – оборвала Ирка смущённый лепет и очень внятно, с деталями рассказала о том, что с нею произошло пять минут назад. Женька изумилась. Потом она, заскрипев диваном, начала быстро с кем-то шептаться. Затем воскликнула:

– Всё понятно! Ты открывала дверь не в ту сторону!

– Ох, какая же ты тупица, – вздохнула Ирка и прервала с Женькой связь. Сидя на диване, она скосила взгляд за окно, к которому привалилась странная, непривычная темнота угрюмого города. Из неё сочилась на Ирку такая жуть, что она заплакала. Ей и раньше порой казалось, что жизнь – штука идиотская, потому что каждый твой шаг и каждая твоя мысль отслеживаются чужими глазами из потаённых глубин твоего сознания. Неужели оно – действительно капля в море, которое не имеет имени, смысла и перспективы, хотя и создано с умыслом? А раз так – откуда у каждой капли эта иллюзия своей собственной уникальности и зачем она вообще, если с такой лёгкостью разбивается о дверь ванной?

Утерев рот, к которому подползли два потока слёз, Ирка начала смотреть в телефоне старые фотографии. Очень сильно хотелось увидеть лица людей, которые были ей бесконечно дороги. Они все остались в далёком прошлом, кроме одной только Женьки. Их было мало, всего лишь семь или восемь. Ирка сквозь слёзы им улыбнулась. Они улыбнулись ей сквозь года. Сколько фотографий! Сколько улыбок! Можно ли так улыбаться, чувствуя на себе чей-то неусыпный и вечный взгляд?

– Это невозможно! – всхлипнула Ирка, глядя в смеющиеся глаза худенькой брюнетки с горбатым носиком, – Ритка, Ритка! Скажи, что это не так!

– Да, да, разумеется, – подтвердили расширенные зрачки брюнетки, – это не так. Но это возможно. Возможно всё, что пугает.

Ирка задумалась. Отложив телефон, она поднялась и пошла на кухню. Она не ела с полудня, а было за полночь. Но готовить ей не хотелось, и решено было ограничиться огурцами с горбушкой чёрного хлеба. Не прерывая ужина, Ирка на всякий случай проверила все запоры наружной двери, прикрыла дверь во вторую комнату, где стоял рояль, и стала стелить постель.

Через пять минут она уже засыпала, зябко свернувшись под одеялом. В комнате свет был выключен, а в прихожей на всякий случай оставлен. За синеватым, влажным окном порой раздавались шорохи. Там валился с кустов и деревьев снег, который подтаивал. Этой ночью весна всё-таки вступила в свои права.

Сперва Ирка показало, что она спит, когда в другой комнате стал негромко звучать рояль. Поняв, что это не сон, она пожалела о том, что не умерла часом ранее, когда кто-то держал дверь ванной. Музыка не было. Кто-то просто тихонько нажимал клавиши самой верхней октавы: ми, ре, соль, до, ми, ре, до, ля, соль. А потом – опять и опять, по кругу, эти же самые ноты. Прodelывалось всё это медленно, осторожно, дабы не разбудить соседей. Будь дело днём, Ирка, вероятно, смогла бы встать и приоткрыть дверь во вторую комнату. Но сейчас она не решалась даже пошевелиться. Из её глаз опять текли слёзы. Вся покрываясь холодным потом под одеялом, она звала к себе смерть, потому что больше звать было некого. Перед самой зарёй, когда рояль смолк, Ирка незаметно уснула. Она была ужас как измучена.

Глава третья

Крепче вкрутив подъездную лампочку, в результате чего та сразу же загорелась, Дмитрий Романович Керниковский делал два дела сразу – запирали дверь и оправлял шарф, который неряшливо выбивался из-под воротника куртки. Кейс он при этом сжимал коленями. Ирка также спешила. Одновременно вынув ключи из замков, они повернулись и поздоровались. На минуту он и она забыли про поезд. Ирка недоумённо глядела на худошавого, горбоносого человека с седеющими усами и аккуратным пробором. Одет этот невысокий мужчина был хорошо, и одеколон он использовал совершенно точно по назначению. Очень миленько улыбался. А она думала, что в подъезде живут одни только пьяницы! Керниковский же, взяв свой кейс, с ещё большим любопытством смотрел на тоненькую, высокую девушку, надевавшую лайковые перчатки. Она немножко косила на правый глаз. Приталенное пальто ей отлично шло, но белая шапочка как-то слишком эпично и вызывающе сочеталась с чёрными волосами. Кого-то эта брюнетка лет двадцати пяти Дмитрию Романовичу ужасно напоминала – не то одну из его студенток, не то актрису, не то очень популярную певицу из девяностых. Точно, была такая певица! Всё пела про городок. И, кажется, про художника, что рисует дождь. Но её фамилию Керниковский не смог припомнить.

– Меня звать Дмитрий Романович, – сказал он, спустившись бок о бок с девушкой по ступенькам и распахнув перед нею дверь. Ирка улыбнулась.

– Спасибо. Меня – Ирина.

– Очень приятно.

Заря уже разгоралась. День обещал быть солнечным. С крыш текло. Упругий весенний ветер стелил над городом запах леса, свежееумытого бурной талой водой.

– Вы на электричку? – спросил у Ирки Дмитрий Романович, – на семичасовую? Нам по пути.

– Прекрасно.

Судя по тесноте и спешке на тротуарах, залитых розовым блеском луж, семичасовая была востребована. Казалось, к станции топал весь городок. С трудом поспевая за Керниковским, который всё любил делать быстро, даже когда спешить было некуда, Ирка сообщила ему, что стала его соседкой два дня назад. Потом она поделилась своим двойным ночным приключением. Керниковский, слушая, закурил.

– Вы, значит, совсем не спали? – спросил он так, будто усмотрел проблему лишь в этом.

– Почти совсем не спала! А как можно спать, когда за стеной такое творится? Вы бы уснули?

– Ира, я не могу так прямо ответить на ваш вопрос. Смотря что звучало! Под Моцарта моя дочь, по её словам, могла бы и умереть. Я склонен с ней согласиться. Моцарт – невероятно добрый волшебник. А вот Шопен...

– Вы что, издеваетесь надо мной? – психанула Ирка, – я ведь вам объяснила: в квартире не было никого, а этот рояль играл! Звучал он ужасным образом, если это имеет для вас значение. Кто-то просто трогал верхние клавиши одним пальцем – ми, ре, соль, до, ми, ре, до, ля, соль. Без полутонов. И вот так – по кругу, одно и то же!

– Тогда следует признать, что это загадка, – проговорил Керниковский, взглянув на Ирку внимательно, – одним пальцем, верхние клавиши? Да, бесспорно, интрига есть. А вы различаете на слух ноты?

– Дмитрий Романович, я училась в Московской Консерватории.

Керниковский от неожиданности промазал, бросая окурочек в урну.

– Ого! А ваша специальность, позвольте полюбопытствовать?

– Исполнитель. Я пианистка.

– И вы работаете по профилю?

– Абсолютно. Цветы продаю около метро.

К кассам была очередь, и сосед с соседкой еле успели на электричку. Им посчастливилось занять место возле окна. Народу набилось много, и героический штурм вагона десятка два человек приобщил к блестящей идее передовых психологов: не держи эмоции при себе, ведь ты уникален, неповторим, и любой твой звук бесконечно важен! Не придавая значения первому за три месяца появлению солнышка, пассажиры и пассажирки собачились, как при самой дрянной погоде. Особенно отличились местные. Когда поезд после невнятной реплики машиниста всё-таки тронулся и скандалы в вагоне стихли, Дмитрий Романович наклонился к уху новой знакомой.

– Ирочка, а гитарой вы не владеете?

– На примитивном уровне, если честно. Но у меня абсолютный слух. Могу подобрать любую мелодию и гармонию.

– О! Тогда у меня к вам дело, Ирина. Дело серьёзное. Но для вас оно, полагаю, не будет сложным. Ведь вы – профессионал.

У Ирки возникло скверное подозрение. И оно немедленно подтвердилось. Делая множество пояснений и уточнений, словно был повод его в чём-то заподозрить, Дмитрий Романович предложил ей позаниматься гитарой с его двадцатиоднолетней дочерью, уже очень давно прикованной к инвалидному креслу. Слушая Керниковского, Ирка мрачно разглядывала двух женщин и двух мужчин, сидевших напротив, но уже явно не в электричке. Глядя на их смартфоны и на их лица, трудно было понять, где лицо, а где телефон. Когда Керниковский подвёл свою речь к концу, Ирка улыбнулась и проронила:

– Дмитрий Романович, в интернете полно видеоуроков. Они бесплатные. Ваша дочь владеет компьютером?

– Разумеется. Мне до неё очень далеко – несмотря на то, что я в силу своих профессиональных потребностей провожу за компьютером почти всё свободное время. Но дело в том, что Марина вряд ли добьётся успехов с помощью интернета. Она склонна к самокритике и легко опускает руки. Ей нужно живое и близкое общение с музыкантом, который сможет дать ей пинка, чтоб она не вешала нос. Вы – очень обаятельная и умная девушка её лет...

– Я вовсе не умная, – перебила Ирка, – и мне уже двадцать семь.

– Вы выглядите на двадцать. А об уме позвольте уж судить мне, как специалисту. Я – педагог с двадцатидвухлетним стажем работы.

– Серьёзно? А вы какой ведёте предмет?

– Я преподаю философию и культурологию в Школе-студии МХАТ. По некоторым разделам читаю лекции в МГУ.

Ирка призадумалась. Электричка в эту минуту подошла к станции. На платформе столпилось не меньше ста человек. Когда они кое-как втиснулись в вагоны и поезд тронулся, Керниковский вновь наклонился к Ирке.

– Ну что, подумаете?

– Возможно, – скривила Ирка лицо, как от зубной боли. Дёрнул же чёрт похвастаться! И чем? Прошлым, похоронить и забыть которое было самой сладкой мечтой! Вот теперь попробуй-ка, отбрешишь!

Будто прочитав её мысли, Дмитрий Романович с сожалением улыбнулся. Но ничего не сказал. Когда миновали следующую станцию, Ирка, оторвав злые глаза от окна, увидела, что он смотрит в смартфоне курсы валют.

– Гитара у вас какая?

Дмитрий Романович поднял взгляд.

– Классическая. «Кремона». Ей, правда, уже лет двадцать.

– Кто-нибудь обучал вашу дочь игре на гитаре?

– Да, наш сосед. Марина сама его попросила с нею позаниматься, о чём я узнал не сразу. Но он владеет только пятью аккордами, и она успела выучить всего три.

– Что значит, успела? Ваш сосед умер, что ли?

Дмитрий Романович колебался одну минуту, прежде чем дать ответ. Потом он сказал, не глядя на Ирку:

– Ну, хорошо. Вам лучше об этом знать. Ведь это и ваш сосед! Вы, можно сказать, почти угадали. Я его чуть не убил.

Иркино лицо от ужаса побелело.

– Дмитрий Романович! Вы хотите сказать, что он вашу дочь...

– Нет, он не успел сделать то, о чём вы подумали, – перебил Керниковский, – входная дверь была приоткрыта, и два соседа – Гиви и Алик, пришли на помощь Маринке. Это произошло на втором занятии, когда он явился к ней пьяный сверх всякой меры. Гиви и Алик его не сильно побили, он ведь мужик здоровенный! Но зато я постарался вечером. Пришлось звать врача-травматолога из другого подъезда.

– Как он осмелился? – прошептала Ирка, с сомнением поглядев на худые руки и не особенно атлетичные плечи своего спутника, – ведь она беспомощная, больная!

– Она красивая. А он пьёт.

– Его зовут Лёшка?

– Да. Вы уже успели с ним познакомиться?

– Знаю только, что он живёт в коммуналке через две двери.

– Ну да, от вас – через две, и через одну от нас. В этой же квартире живёт старушка, Дарья Михайловна, и её сорокадвухлетняя дочь Галина. К ним он относится без агрессии, потому что бывший муж Гали, который время от времени навещает их – полицейский.

– А кто живёт между ними и вами, в трёхкомнатной коммуналке? – спросила Ирка, стараясь запоминать имена соседей.

– Гиви и Алик. Они снимают по комнате. Иногда приводят приятных барышень. В третьей комнате живёт собственник. Он когда-то баловался наркотиками, и теперь вот у него СПИД. Да, не ВИЧ, а СПИД. Каждый день ему становится хуже, температура всё время под тридцать восемь. А он ещё очень молод.

– Как его звать?

– Серёжа. Вам про второй этаж рассказать?

– Да, сделайте одолжение.

Между двумя следующими остановками Дмитрий Романович рассказал про второй этаж. Одна из квартир там была, по его словам, опечатана, потому что её хозяин недавно умер и никаких наследников не нашлось. Во второй квартире жили Валентина Егоровна – бывшая

продавщица, её взрослая дочь Лена и две дочурки последней, Оля и Юля. Девочки были уже подростками. Иногда к Ленке заходил её друг Руслан. Когда он являлся, Ленка заканчивала пить водку и начинала хлестать коньяк. К счастью, продолжалось это недолго. В третьей квартире жила пятидесятиррёхлетняя Роза Викторовна, отчаянно соблазнявшая Лёшку, и её муж Гавриил Петрович, спившийся бригадир. Наконец, в четвёртой квартире жила Галина Васильевна, полуспившаяся швея. Её дочка, зять и два внука жили в другом районе.

– И часто Лёшка буянит? – спросила Ирка, сразу усвоив всю эту информацию, потому что она была преподнесена педагогом без всяких лишних подробностей, но при этом вполне художественно и ярко.

– Не беспокойтесь. Зная меня и бывшего мужа Галочки, он давно перестал буйствовать в подъезде. Где-то он веселится, но где и с кем – это его дело.

– На что же он существует?

– Да иногда находит какую-то работёнку в дачных посёлках – что-то приколотить, починить, подправить, землю вскопать. Вполне вероятно, чем-то ещё занимается.

Ирка долго не отрывала взгляд от окна. Перед ней мелькали какие-то городки, деревни, поля, залитые солнышком. Полустанки, мимо которых проходил поезд, хранили облик семидесятых годов. Ирке это нравилось. После Электростали она и Дмитрий Романович уступили место двум старушенциям, вышли в тамбур. Там из-за грохота приходилось почти кричать.

– Я очень прошу вас обдумать мою идею, Ирочка, – произнёс Керниковский, взявшись за перекладинку на звенящей двери, – я вам согласен платить восемьсот рублей за академический час. Больше не могу. Но это – средняя ставка преподавателя игры на гитаре с выездом на дом.

– Я ведь не гитаристка, Дмитрий Романович, – возразила Ирка, – мне самой нужно позаниматься и что-нибудь почитать перед тем, как браться за это дело. И восемьсот рублей – это слишком много. Я столько с вас брать не буду.

– Это единственный камень преткновения?

– Не единственный! Я ведь вам объяснила, что происходит в этой квартире.

– Вы про рояль?

– Естественно! И про дверь. Мне ведь не могло показаться, что я толкаю её рукой, а она – ни с места! Кто-то снаружи её удерживал с большой силой.

На Салтыковке вошло много пассажиров. Но ни один из них не остался в тамбуре. Когда поезд снова загрохотал по рельсам, Дмитрий Романович предложил:

– Рояль вы можете выкинуть, пользуясь позволением Ольги Фёдоровны и Бориса Владимировича. Дверь – снять. Я вам помогу. Зачем вам дверь в ванную? Вы в квартире одна живёте.

– Дмитрий Романович, вы смешной! Вы очень забавный. Кончится тем, что вы мне предложите убрать мебель, стены и пол, чтобы невидимка, который бродит по этой странной квартире, не имел способа о себе напомнить. Нужно решать вопрос с невидимкой, а не с вещами, к которым он прикасается!

– Безусловно. Но каким способом вы планируете решить этот щекотливый вопрос? Уж не переездом ли?

– Переездом.

– А если он за вами увяжется?

Ирка вздрогнула.

– Как, за мной?

– Да элементарно. Ему ведь нужно что-то от вас! Это совершенно понятно. В этой квартире никогда не было ничего похожего. Ольга Фёдоровна и Борис Владимирович пристали к вам с этим самым роялем только из-за того, что он половину комнаты занимает и может вам помешать.

– Тогда почему они сами его не выбросили на свалку, прежде чем сдать квартиру на долгий срок?

– По сентиментальным соображениям. На нём, видите ли, играла их дочь, которая умерла. И они решили: попросят выкинуть – выкинем, нет – так нет. Такая история.

Ирка вышла в Новогиреево. Ей оттуда было недалеко до места её работы. Дмитрий Романович, как обычно, поехал дальше, до Курского. День у Ирки не задался. Лариска бесила – то разговорами, то молчанием. Ни один покупатель не набрал больше чем на семьсот рублей, а важничал каждый так, будто собирался взять на семь тысяч. Ослов этих было столько, что пообедать толком не удалось. Вечером, простившись с Лариской на транспортной остановке, Ирка влезла в маршрутку до улицы Молдагуловой, где была их с Женькой квартира. Усевшись и взяв билет, она позвонила Женьке.

– Я занята, – ответила та не менее важным тоном, чем самый глупый из давешних покупателей, – я работаю.

– У меня короткий вопрос. Можно я возьму одну из твоих гитар на пару недель? Если сейчас будет с твоей стороны отказ, я её возьму всё равно. Но при этом выброшу саксофон.

– Бери, только отвяжись!

Ирке не хотелось столкнуться с кем-нибудь из соседей. Ей повезло – пока она ехала, на Москву посыпался снег с дождём, так что во дворе обычных любителей почесать языками не оказалось. Женьки, действительно, дома не было. Это Женьку спасло – старшая сестра вряд ли бы смогла устоять перед искушением дать ей в рыло при виде свинства, которое воцарилось в доме за двое суток. Альт-саксофон лежал, сволочуга, на видном месте. Переступая через плевки и презервативы, Ирка с матерной руганью добралась до угла, где заросли пылью две препоганейшие гитары, акустическая и классическая. Сдув пыль со второй, она обнаружила, что на месте первой струны висят два обрывка. Момент для старой гитары настал опасный. Был уже сделан замах, чтоб грохнуть её об угол стола. Но тут Ирка вспомнила, что какие-то струны раньше лежали в большом шкафу, внутри бабушкиной вазы, где Женька прежде держала двух головастика. Там они и остались. Конечно, не головастики. Они умерли в первый день. Схватив нужную струну, гитару и стопку нот, которые также принадлежали Женьке, Ирка бегом покинула свой родимый свинарник и понеслась в Павловский Посад.

Глава четвертая

Женька не то второй, не то третий раз в жизни сказала правду. Виктор Васильевич Гамаюнов действительно помог ей переустроиться на другое место работы, дабы младшая копия знаменитой певицы тратила больше времени на дорогу и, соответственно, меньше времени проводила в своём районе, который она затерроризировала. Особенно от неё страдал, конечно же, дом, в котором она жила. Её смерти жаждали – разумеется, не всегда, а при нервных срывах, жильцы всех восьми этажей первого подъезда, от тараканов до самого Виктора Васильевича. Общее сочувствие Ирке было огромным, хотя всеми признавалось, что и сама она – не ахти какой сладкий сахар. Живя с нею в одной квартире, Женька пять-шесть недель в году стабильно ходила с разбитой мордой и слегка вправленными мозгами, что гарантировало всеобщую относительную безопасность и относительную успешность её учёбы в медколледже номер девять. По окончании колледжа Женька, правда, попробовала два раза устроить некий шалман прямо во дворе, почувствовав себя взрослой, но вся её гоп-компания оба раза мгновенно куда-то делась при приближении Ирки. Ввиду всех этих нюансов новость о том, что Ирка свинтила, была для улицы Молдагуловой чем-то вроде правительственного сообщения о подлёте американских бомбардировщиков. Подловив Виктора Васильевича у подъезда, толпа инициативных граждан, в том числе и с погонами, попросила его придумать какой-нибудь ход конём. Хорошенько взвесив все за и против, Виктор Васильевич позвонил главному врачу Института имени Склифосовского, а уж тот переговорил с заведующим Центральной подстанцией Скорой помощи. Таким вот нехитрым образом Женька на другой день и была оформлена. Перед

этим, ясное дело, с ней говорил заведующий. Тут Женька не подкачала – Виктор Васильевич объяснил, какие вопросы профессор будет ей задавать и какие надо давать ответы. Что-то она, конечно, перемудрила с признаками клинической и биологической смерти, но хмурый дядька, ещё раз внимательно поглядев на её чулочки, которые на один сантиметрик не дотянулись до края юбочки, прогнусавил:

– Давай-ка эту дискуссию прекратим, Евгения! Ведь иначе, если у двухнедельного трупа в твоём присутствии что-нибудь шевельнётся, чего я не исключаю, мне будет слишком горестно признавать своё заблуждение. Трудовая книжка с собой?

– С собой, – весело ответила Женька, хлопнув себя по заднице, потому что книжка лежала в заднем кармане, – дать её вам?

– Нет, мне она не нужна. Бери свой диплом и дуй в отдел кадров. Будешь писать заявление. Кстати, я не спросил, ты писать умеешь?

– Да, у меня четвёрка была по русскому языку, – набрехала Женька и, выхватив из руки профессора свой диплом, а также медкнижку, дунула в отдел кадров.

Вот так всё и началось. Да не пошло гладко. Будучи фельдшером, Женька твёрдо рассчитывала кататься на «Скорой помощи» в полусуточной смене и в одиночку – ну, в смысле, только с водителем, и откачивать всяких там умирающих абсолютно самостоятельно. Но вот с этим вышла заминка. Старшая фельдшерица, что-то перетерев со старшим врачом, жёстко заявила, что этому не бывать. И Виктор Васильевич не помог, звонить никому не стал. И определили бедную Женьку напарницей к такой стерве, что даже Ирка ей показалась ангелом. И, что самое интересное, было этой мерзотине ровно столько же, сколько Ирке – двадцать семь лет. Её звали Ася. Она была очень злая – видимо, потому, что мелкая. Но не страшная. В первый день, когда возвращались с вызова, на котором Ася чуть не убила мерзкого алкаша за враньё диспетчеру – мол, жена пырнула его ножом, Женька обратилась к новой знакомой с таким вопросом:

– Аська, как ты смогла институт закончить? Я бы с такими нервами всех там просто поубивала на хрен!

– Женечка, я в приличных местах веду себя соответственно, – возразила Ася, закурив длинную сигарету. Женька от хохота чуть не сдохла!

– Что? Институт – приличное место? Да иди в жопу! Ой, не могу! Ты знаешь, я бы окончила сразу десять этих приличных мест, если бы не боялась за два своих, неприличных! Я их не на помойке нашла! Мне даже в медколледже на экзаменах заявили, что основная моя деталь – это задница! Прикинь, в колледже! Что уж про институт говорить?

– Заткнись, – проблеяла Ася голосом умирающей балерины. Не в пример ей, водитель – дядя Володя, Женькино мнение разделил:

– Эх, Женечка, Женечка! Кабы у меня было столько мозгов, сколько у тебя, я бы не баранку крутил, а межгалактическими ракетами управлял!

– Вот-вот, – усмехнулась Женька, – и я про то же! Аська, кретинка, не догоняет.

Но после очередного дежурства Ася вдруг проявила себя с очень неожиданной стороны. История вышла жуткая. Делая по приказу своей напарницы обезболивающий укол фигуристке, которая повредила голеностоп, Женька умудрилась иглу сломать – попа у спортсменки какая-то оказалась слишком спортивная. Часть иглы в ней так и осталась. Поняв, что произошло, Женька вся от страха вспотела. Жестом руки предсказав овце криворукой секир-башку, Ася отвезла орущую фигуристку на операцию, надавала Женьке пощёчин и из машины стала звонить старшему врачу на подстанцию. Женька плакала и рыдала. Но всё вдруг как-то замялось. Никто ей даже не предложил писать объяснительную, хоть шутками-прибаутками задолбали просто со всех сторон! К примеру, заведующий, который не забывал про её враньё по поводу русского языка, сказал, что по физкультуре, похоже, была пятёрка. Ася, конечно, пас приняла и не преминула заметить, что сдуру можно сломать не только иглу, если постоянно так вилять

задницей, из которой руки растут. Как всё обошлось, для Женьки осталось тайной. Но она знала, что тайну создала Ася.

На той же самой неделе вдруг изменилось прежнее отношение Женьки не только к ней, но и к очень многим другим вещам. А произошло вот что. Четырнадцатого марта Женька явилась в Склиф после бурной ночи и отрубилась в комнате отдыха, хоть и кофе выпила до хренища, и все кругом бегали-орали просто как идиоты конченные. Ее разбудила Ася. На ней была некрасивая, ярко-синяя униформа – вместо привычной, зелёной, которая Женьке нравилась. Ей самой накануне всучили синюю, а когда она разоралась, дали взглянуть на её подругу, медсестру Эльку, которой новая форма очень пришлась к лицу. Элька заявила взбешённой Женьке, что Анжелина Джоли вчера в Инстаграме выложила какие-то свои фотки в синих чулках. Женька притворилась, что успокоилась. И теперь вот вдвойне противная, ярко-синяя Ася её будила, за ногу стаскивая с кушетки.

– Мы сейчас едем в суд! – орала она, – что ещё за спячка? Ты что, опять с бодунища? Морда – как тумбочка! Вот гляди, дождёшься, напишу рапорт!

Второй ногой Женька оттолкнула психически нездоровое существо. Кое-как приняв сидячее положение, начала надевать ботинки.

– Что ты орёшь? У меня всю ночь болел зуб! Я на пять минут прилегла, чтоб не умереть! В какой ещё суд мы едем?

– В Мещанский суд, твою мать! К двум девкам, которых взяли под стражу за экстремизм! Одной из них стало плохо в зале суда! Шевелись, скотина!

– Какой ещё экстремизм? – недоумевала Женька с развязанными шнурками, когда напарница за руку потащила её к машине, – какие девки? Дай мне сходить в туалет!

Аська продолжала орать какую-то чушь про неадекватное состояние. Её перлы слышали все. И со всех сторон, больше из диспетчерской, раздавались шуточки-прибауточки и вопросы, чем Женька так ужралась. Особенно зацепило Женьку чьё-то паскудное заявление, что ей синяя форма сегодня весьма к лицу.

Уже стоял полдень. Светило солнце. Осуществляя рискованные обгоны под вой сирены, дядя Володя Женьке рассказывал:

– Только ты об этом не слышала! Собирался в Макдональдсе молодняк, пацаны и девки. Самому старшему – двадцать. Просто сидели и обсуждали новостной фон: беспредел, коррупция, пытки, милитаризм и так далее. Вдруг подсаживается к ним дядя и говорит: «Я с вами согласен. Готов вложиться финансово, чтоб у нас возникла организация для борьбы за честность и справедливость. Давайте-ка снимем офис, напишем некий устав и будем искать сторонников в Интернете!» Ты поняла, что это за дядя был?

– А как можно этого не понять? – оскорбилась Женька, – хороший дядя. Неравнодушный, ответственный человек. Что ты замолчал? Продолжай.

– Какая овца, – смертно закатила Ася глаза зелёного цвета, – Владимир Юрьевич, ради бога, сделайте что-нибудь! Ударьте её гаечным ключом по височной кости! Я не могу дышать одним воздухом с говорящей варёной курицей! Боже правый! За что мне это, за что? Я ведь никому ничего плохого не сделала!

– Перестань, – одёрнул рыжую стерву дядя Володя, опасно проскакивая на красный, – она ещё не проснулась. Женечка, это был провокатор с официальными полномочиями, который решил заработать орден, на ровном месте создав экстремистский заговор и успешно его раскрыв. Теперь поняла?

– Я сразу всё поняла, – огрызнулась Женька, – что было дальше? У них хватило ума подписать устав, который он накатал?

– Да, можешь гордиться тем, что не ты одна идиотка, – вздохнула Ася. От её вздохов, больше напоминавших вопли, Женькина голова разнылась.

– И их всех арестовали? – тихо спросила Женька, надеясь, что и напарница вполонину понизит громкость, а то и вовсе заткнётся.

– Нет, только двух самых мелких, Аню и Машу, – понизила Ася громкость на одну четверть, – первой семнадцать, другая на год постарше. Многие знаменитости им сочувствуют, и сегодня судья решает, оставить ли их под стражей на время следствия, до суда, или заменить тюрьму домашним арестом.

Женька решила, что ей всё это не нравится.

– И какой из них стало плохо?

– Аньке, которой семнадцать лет. Судя по всему, проблема серьёзная – то ли гинекология, то ли почки.

– Так давай скажем, что ей нужна госпитализация! Неужели её не освободят?

– Нашла дураков, – опять подал голос дядя Володя, – когда человек болеет, его в тюрьме расколоть ничего не стоит! Дашь показания – пойдёшь к маме.

– Да это ведь сволочизм! Ей семнадцать лет! Школьница! Ребёнок!

– Тебе об этом и говорят! – опять разоралась Ася, – ребёнка психологически обработать очень легко! А Анька – ребёнок с тонкой душевной организацией. Знаешь, чем она занималась, когда была на свободе? Лечила больных животных. Все свои деньги на это тратила. А семья у неё совсем небогатая. Когда Аньку арестовали, её отца инфаркт долбанул, и бедная мать теперь разрывается между реанимацией и тюрьмой, где орденосные упыри пугают и истязают её больного ребёнка, чтоб получить ещё по одному ордену!

Дядя Володя молча кивал, лихо маневрируя. Под шумок стащив у напарницы сигарету, Женька воскликнула:

– Слушай, Аська! Я всё-таки не могу понять, почему под стражу взяли девчонок, а не парней?

– Женечка, нельзя быть такой тупой в двадцать один год! Для психологического эффекта, чтобы девчонкам стало обидно и они дали нужные показания на парней! Сильнее всего следователи всегда давят на самых слабых – на матерей, на детей и на инвалидов! Это рациональнее.

Женька медленно прикурила, щури глаза.

– Угу. Теперь ясно. А провокатор, который девочек посадил – он, вообще, кто? Известна его фамилия?

– Нет, он скромный и предпочёл держать её втайне, – ответил дядя Володя, – и это правильно. Истинные герои должны заботиться не о собственной славе, а о престиже страны. Если же герой случайно получит кирпичом в морду и все друг друга поздравят с этим событием, что тогда останется от престижа?

Женька молча глотала дым и сбивала пепел. «Скорая помощь» уже сворачивала к суду.

Глава пятая

Судебные приставы проводили Асю и Женьку в конвойное помещение. Коридор был длинным. Пришлось идти мимо журналистов, которые покидали зал заседания, чтобы только взглянуть на двух медработниц. Спрашивать их пока ещё было не о чем. Вдвое больше корреспондентов было на улице, под двуглавым орлом с когтистыми лапами. Им давал интервью статный джентльмен с тонкими усами, который вышел из здания покурить. Женька догадалась, что это один из двух адвокатов. Всюду стояли бойцы Росгвардии. Среди них торчали какие-то левоватые мужики в форме казаков, с пышными усами и при холодном оружии. Они также смотрели на Асю с Женькой, особенно на последнюю, потому что она была длинноногая и несла саквояж. На входе её достаточно вежливо попросили его открыть. Она это сделала.

– Тут у вас одна наркота, – пошутил майор, заглянув вовнутрь.

– Да почему же одна? – обиделась Ася, – у нас ещё и взрывчатка! Евгения Николаевна в среду так сделала укол одной пациентке, что Департамент московского здравоохранения чуть не рухнул.

Все ещё раз взглянули на Женьку очень серьёзно. Она слегка покраснела. В конвойной комнате был второй двуглавый орёл, которого почему-то забыли одеть в форму конвоира. Под ним, на узкой кушетке, лежала девушка с острым носиком и косичками. На ней были слишком широкие для неё потёртые джинсы, туго затянутые ремнём, кроссовки и свитер. Рядом на стуле сидела очень красивая белокурая женщина средних лет, державшая на коленях офисный чемоданчик. Это была адвокат. У другой стены стояло ещё одно двухголовое существо. В отличие от орла, оно было в форме, и не с когтями, а с автоматами. При ближайшем ознакомлении выяснилось, что это – два человека. Судя по их глазам, глядевшим на девушку и её адвоката с полным бесстрашием, автоматы были заряжены. Когда Ася с Женькой вошли, оба автоматчика, как и все фехтовальщики в коридоре, стали отслеживать преимущественно вторую. Адвокат встала, освобождая стул. Девочка испуганно покосилась.

– Мужчин прошу удалиться, – распорядилась Ася, как только Женька поставила саквояж около кушетки, – я буду её осматривать.

Автоматчики продолжали глядеть на Женьку.

– Не полагается, – отозвался один из них.

– Что не полагается? – удивилась Ася, – больных осматривать?

– Помещение покидать им не полагается, – объяснила вежливая защитница, – они строго придерживаются устава. Придётся с этим смириться. Я адвокат. Меня зовут Ксения. Это Анечка.

– А где Машенька? – поинтересовалась Ася, садясь на стул. Она обращалась к Анечке, которая суетливо приподнялась и сказала «здравствуйте». Когда Женька встретила с ней глазами и улыбнулась, она сперва заморгала, затем ответила очень осторожной, слабой улыбкой.

– Машенька сидит в клеточке, – удовлетворила красавица-адвокат любопытство Аси, – держится за решётку и плачет, глядя на маму, которая тоже плачет. Я должна выйти? Или мне лучше остаться?

– Остаться, – сказала Ася, пощупав девочке пульс, – но рот открывайте только тогда, когда я вас буду просить об этом! Анечка, сядь и скажи мне на ухо, что тебя сейчас беспокоит?

Разговор шёпотом длился более двух минут. Вопросы врача были продолжительнее ответов революционерки, которые иногда прерывались хлюпаньем её носа. Все остальные стояли молча. Видимо, сделав некие выводы из беседы, Ася взяла у Женьки тонометр, затем – градусник. И давление, и температура у девочки оказались повышенными.

– Два кубика анальгина, – холодно дала Ася команду Женьке. Потом взглянула на Ксению, – боль её беспокоит. Причины могут быть две. Более конкретный диагноз можно поставить только в стационарной клинике. Но любая из двух причин требует немедленной госпитализации.

– Объясните это судье, – пожала плечами Ксения, видимо уязвлённая повелительным тоном Аси.

– Такая возможность есть?

– Пойдёмте, попробуем. Только будет гораздо лучше, если сперва напишете заключение.

Стол имелся. Стул придвигала Ксения. Пока Женька вводила девочке анальгин и корчила рожи, чтобы её рассмешить, Ася за столом развернула такую масштабную писанину, что признаки нетерпения начала проявлять даже адвокат, уж не говоря про двух автоматчиков, хотя Женька, ставшая обезьяной, нравилась им по-прежнему. Наконец, поставила Ася точку и, взяв листок, отправилась с адвокатом в другую комнату. В совещательную. Их не было минут десять. Всё это время Женька сидела с Анечкой, и они улыбались одна другой, как две ненор-

мальные. Разговаривать запрещалось, поскольку Женька не обладала врачебными полномочиями.

– Пошли, – сказала ей Ася, когда вернулась. Она вернулась одна и была мрачна. Женька поднялась.

– Вы уже уходите? – очень тихо спросила Анечка.

– Да, – ответила Женька – проститься ведь было можно, – ещё увидимся! Давай руку.

Анечка улыбнулась и протянула руку. Рука была очень тонкая и казалась почти прозрачной. Ася и Женька крепко её пожали и быстро вышли.

Приставы и бойцы Росгвардии кое-как спасли их от журналистов. Те всё равно пытались им задавать разные вопросы, крича на весь коридор. Но две медработницы понимали, что лучше не реагировать, потому что любое слово, произнесённое ими, будет оформлено сучьими комментариями и вряд ли принесёт пользу. Гвардейцы их довели до самой машины.

– Ты говорила с судьёй? – обратилась Женька к своей напарнице, когда дядя Володя завёл мотор и «Скорая помощь» тронулась.

– Говорила.

– Ну, расскажи!

– Охота тебе? – пожала плечами Ася, взяв сигарету, – вхожу, а она сидит, кофе пьёт вместе с секретаршей и прокуроршей. Все три хохочут – похоже, над анекдотом. Какой-то доктор наук, судя по лицу, что-то им читал с телефона. Я эту мразь рукой отодвинула, объяснила судьбе, что речь, скорее всего, идёт о почечной недостаточности, нужна госпитализация. И официально вручила ей заключение.

– А она?

– Сказала: «Спасибо, мы примем к сведению». И выставила. Лениво махнула ручкой – иди, мол, к чёртовой матери, не мешай анекдоты слушать!

Дядя Володя вырулил на Садовое. Женька крепко задумалась, глядя вдаль, на поток машин и стёкла домов, сияющие под солнышком. Даже здесь, где всё было сделано человеческими руками, приход весны впечатлял, менял настроение, уносил мечтами к дальним дорогам.

– Аська, там был орёл? – вдруг спросила Женька. Ася курила, слегка опустив стекло и слушая ветер.

– Какой орёл?

– Двуглавый, с когтями.

– Был. На стене. И в зале суда он висит. А что?

– Как думаешь, он отпустит двух этих мышек?

– Вряд ли, – ответил дядя Володя, переключая скорость, – он двухголовый. Если, к примеру, два человека долго вместе живут, у них с трудом выйдет даже простое дело. А доброта – штука сложная.

Через сорок минут, читая в смартфоне новости, Ася с Женькой узнали, что их недавнюю пациентку вместе с подельницей Мещанский районный суд города Москвы оставил под стражей.

Глава шестая

Лёшка слыл жеребцом. Кроме Розы Викторовны, имевшей обыкновение раздеваться перед ним полностью, сразу после чего он звал её мужа, к нему захаживали две дамы существенно помоложе. Обе они проживали в третьем подъезде, который был за углом. Звали их Захарова Лена и Андрианова Катя. Вторая пользовалась гораздо большим успехом, так как была очень высока ростом и симпатична лицом. Все её считали самой скандальной личностью в доме, что было правдой только отчасти, поскольку трезвая Андрианова ненавидела всех пас-

сивно и молча. Именно всех. Лёшка не являл собой исключение. Он ведь был всего лишь деталью в сложном механизме судьбы Катьки Андриановой. А любая деталь подлежит замене.

Четырнадцатого марта, вечером, Ирка, идя со станции, натолкнулась на эту сладкую парочку у подъезда. То есть, не совсем парочку, потому что на руке Катьки был рыжий смешной котёнок. Котёнка этого Ирка сразу узнала. Он жил в подвале, где, собственно, и родился. Ему шёл четвёртый месяц. Два его блюдечка очень мило стояли на кирпиче, под кустом. Жители двора, как могли, заботились о малышке – меняли в блюдечке воду, в другое блюдечко подливали свежее молоко, клали на кирпич кто шпротину, кто колбаску. И теперь Лёшка, в руке которого были ножницы, угрожал отрезать котёнку ушки. Он лязгал ножницами над самой его головкой и громко ржал. Рыжий симпатяшка, не понимая степень опасности, весело отбивался лапкой. Он был ещё очень глупый и ко всем ластился, потому что его пока ни разу не обижали. Катька Лёшке орала, чтоб он не смел калечить животное, и толкала его свободной рукой. Само собой разумеется, трезвым в этой компании был один лишь котёнок.

У Ирки было неважное настроение, потому что она почти всю дорогу болтала по телефону с Женькой. Та рассказала ей о своей поездке в Мещанский суд. Плюс к тому, усталость. Подойдя к Лёшке, Ирка вцепилась в ножницы, за одну секунду вырвала их из его руки и бросила на дорогу. Лёшка остолбенел. Потом рывкнул:

– Падла косая! Давно по морде не получала?

– Правильно сделала, между прочим, – еле ворочая языком, хихикнула Андрианова, – нечего ножницами махать! Ирочка, привет.

– Добрый вечер, Катя, – сказала Ирка и неожиданно для себя самой дала Лёшке в глаз. Удар получился – у Ирки был разряд по гимнастике, а пьянчуга едва стоял на ногах. Короче, он грохнулся. Андрианова изумилась так, что выронила котёнка. По счастью, тот сумел приземлиться очень удачно и не обиделся. Но он понял, что всем тут стало не до него. Пока он бежал в подвал, Лёшка смог подняться и схватил Ирку за горло. Была бы Ирке верная смерть, кабы Андрианова не вцепилась в левую руку обиженного придурка, а с правой не совладал бы Гиви. Он выбежал из подъезда, услышав шум. Так Ирку спасли. Катька оттащила в сторону Лёшку, который провозглашал на весь городок, что он – не расист, но негры с грузинами должны знать своё место. Гиви, взвалив на плечо визжащую Ирку, которая рвалась в бой, внёс её в подъезд. Только закрыв дверь, отпустил.

– Ты зачем связалась? Он ведь больной человек, законченный алкоголик! Сперва убьёт, потом будет думать, за что убил.

– Я тоже больная! – вскричала Ирка, маленько утихомирившись, – мне плевать! Он хотел рыжему котёнку уши отрезать!

Гиви задумался.

– Значит, ты всё сделала правильно. Молодец. Но только прошу тебя, в следующий раз не лезь сама драться. Зови меня. Или Алика.

– Хорошо, – улыбнулась Ирка, – спасибо тебе, генацвале! Ты очень вовремя подоспел. Серёжка там как?

– Какие-то у него проблемы с лёгкими начались.

– Пневмония, что ли?

– Возможно. Иммунитет – на нуле, любая болезнь может появиться на ровном месте. Зашла бы, что ли, проведала!

– Не сегодня. Возможно, завтра. Спокойной ночи.

– Пока.

Они разошлись по своим квартирам. Лёшка на улице всё орал. Потом Андрианова, кажется, увела его в свой подъезд.

Ирка торопливо выпила чаю, приняла душ, надела халатик и, взяв гитару, отправилась к Керниковским. К её немалому удивлению, дверь открыла Ленка Смирнова – та самая, что жила

на втором этаже, с мамой Валентиной Егоровной и двумя несовершеннолетними дочками. Вид Смирнова, прозвище у которой было Смирновка, имела самый дурацкий: толстые шерстяные носки с дырками на пятках, старые джинсы с дырками на коленках, фланелевая рубашка без всяких дыр, которые бы не сделали её хуже, и мокрая половая тряпка в руке. Волосы Смирновки были взлохмачены ещё больше, чем накануне, когда она пила джин, кроткие глаза её сквозь очки глядели на Ирку жалобно и устало.

– Ты что здесь делаешь? – удивлённо спросила Ирка.

– Мою полы, – пропищала Ленка, – Дмитрий Романович попросил Мариночке что-нибудь приготовить, его сегодня не будет. Я заодно решила порядок маленький навести.

– Дмитрия Романовича не будет? А почему?

– Ну, как почему? Ведь он же мужчина! Видимо, у него какое-то дело возникло по этой части в Москве.

– Идите сюда! – крикнула Маринка из своей комнаты. Судя по её голосу, прозвучавшему в унисон с Ленкиным обычным нытьём, она с нетерпением ждала Ирку и очень сильно грустила. Но вскоре выяснилось, что это не совсем так. Накинув на дверь цепочку и войдя в комнату вслед за Ленкой, Ирка увидела, что гитара лежит себе на комод, а на столе, рядом с ноутбуком, стоит уже опустевшая двухлитровая банка смородиновой наливки и два стакана. Пахла наливка неимоверно. Весь воздух в комнате был густым, приторным и липким.

– Зачем ты это ей принесла? – строго обратилась Ирка к Смирновой. Та заморгала, бледная и готовая разрыдаться.

– Это не водка!

– Без тебя вижу, что не водка! Я спрашиваю, зачем ты это ей принесла?

– Да что я, не человек? – вознегодовала Маринка, – не могу выпить раз в две недели, когда мой папочка трахается? Отлично, что принесла!

Приставив свою гитару к книжному шкафу, Ирка уселась верхом на скрипучий стул. Ей самой хотелось. Но не наливки, которую Валентина Егоровна делала из смородины, выращенной на дачном участке. Перебродивший сироп, вот что это было такое. Ирка поморщилась, представляя его во рту. Маринка – живая копия её мёртвой подруги Ритки, сидела в кресле-коляске, глядя глазами чёрными и бездонными. На ней было красное платье, чулки и туфли. Дочь Дмитрия Романовича всегда выглядела так, будто ожидала карету, которая повезёт её прямо в Лувр.

– Ты сама-то будешь? – спросила она у Ирки.

– Я бы не отказалась. Но разве нет другого чего-нибудь? Даже коньяк лучше, чем эта сладкая самогонка!

– Леночка, принеси из папиной комнаты коньяку. И несколько бутербродов сделай. Но только руки вымой сперва.

Ленка, кинув тряпку, утопала. Видимо, бутерброды были уже готовы, так как вернулась она буквально через минуту. За это время Ирка с Маринкой успели лишь переброситься парой реплик о новом фильме Бессона. Коньяк Смирновкою был доставлен прямо в стакане, наполненном на две трети, а замечательные поделки из хлеба, сыра и колбасы она принесла в тарелочке. Ирка залпом выпила весь коньяк и жадно умяла бутерброд с сыром. Потом взяла с колбасой. Ленка и Маринка допили перебродивший сироп, после чего первая опустилась на четвереньки и стала опять мыть пол.

– Это на тебя так Лёшка орал? – спросила она у Ирки, плаксиво шмыгая носом.

– Да, на меня, – зевая, сказала Ирка, – я рыло ему начистила. Он хотел котёнку отрезать уши.

– Какому? Рыжему?

– Да.

– Значит, ты спасла их обоих, – раздула ноздри Маринка, глядя на Ленкин зад, обтянутый джинсами и ритмично качавшийся взад-вперёд, – я бы за котёнка ему перегрызла горло. Клянусь. Плевать мне на Андрианову. Пусть попробует мне хоть слово сказать!

– Она за него не полезет драться, – сказала Ленка, сполоснув тряпку в ведре, – она в феврале мне очки разбила не из-за Лёшки. Нужен он мне!

– А из-за чего?

– Да из-за того, что эти очки были дорогие. Ей стало завидно.

Во дворе завывала автосигнализация. Вскоре смолкла. Ленка, хлюпая носом, подползла к шкафу и наклонилась ещё сильнее, чтобы протереть пол под ним.

– Будем заниматься? – спросила Ирка, доев второй бутерброд. Маринка устало сморщила носик.

– Нет, давай отдохнём сегодня. Ты слишком мало спишь. Ложишься в час ночи, а встаёшь в шесть. Как у тебя сил хватает на всё? За четыре вечера умудрилась с целым подъездом познакомиться и со мной два раза позаниматься!

– Я превосходно сплю в электричке, – пожалала плечами Ирка, – ведь мне до Новогиреево ехать час. И обратно – столько же.

– Ты смеёшься? Два часа сна! – воскликнула Ленка, почти засунув башку под шкаф, – мне бы и пяти не хватило! Мне нужно семь. И это сейчас, пока не работаю! А вот если найду какую-нибудь работу, буду спать восемь. Иначе я просто сдохну.

– Почему два? – не поняла Ирка, – я ведь не только в поезде сплю. Маринка сказала правильно – я ложусь в час ночи, а встаю в шесть.

Ленка поднялась, чтоб снова сполоснуть тряпку. Они с Маринкой переглянулись.

– Но это бред, – сказала последняя.

– Почему? – удивилась Ирка.

– Как почему? Ты хочешь сказать, что по ночам спишь?

– Конечно. Я по ночам очень крепко сплю.

– Под рояль?

Ирка улыбнулась. Ей уже было сладко от коньяка. Ленка и Маринка внимательно на неё глядели.

– Да, под рояль. Он играет тихо. Звучат лишь верхние клавиши – ми, ре, соль, до, ми, ре, до, ля, соль. Ведь вы его даже и не слышите!

– Мы не слышим, – взволнованно согласилась Ленка, опять вставая на четвереньки, – никто не слышит, как этот рояль играет, кроме тебя! Это очень странно.

– Здесь ничего нет странного. Я ведь вам говорю, он играет тихо. Трогают только верхние клавиши. Они тихие.

– Это бред, – резко повторила Маринка, – с этим роялем всегда было всё в порядке. Ты допускаешь мысль, что тебе мерещится?

– Нет, Марина, я такой мысли не допускаю. Но спорить я по этому поводу не намерена.

– Хорошо. Тогда объясни – как ты можешь спать, будучи уверенной в том, что кто-то в пустой квартире трогает эти чёртовы клавиши?

– Я привыкла.

– Вот это уж точно бред! К такому нельзя привыкнуть даже и за всю жизнь, а ты с этим ужасом провела только пять ночей! Я тебе не верю. Ты не могла к этому привыкнуть, Ира! Ты шутишь.

– Нет, не шучу.

Ленка примирительно засопела, ползая с тряпкой. Маринка, наоборот, разозлилась и стала есть бутерброд. Чавканье одной и хлюпанье носом другой рассмешили Ирку. Коньяк качал у неё в башке какие-то звонкие и весёлые колокольчики.

– Хорошо, я всё объясню. Кто-то очень хочет мне доказать, что Бог существует. Поэтому за стеной, где никого нет, играет рояль. Но я не боюсь, потому что кто-то – добрый и щедрый. Он подарил мне пуговицу с уродливой двухголовой птичкой.

– Жалкий подарок, – набитым колбасой ртом злобно пробубнила Маринка, – и жалкое доказательство.

– Да, по поводу доказательства я согласна. Пускай предъявит другое.

– Твою отрезанную башку?

– Зачем ты так шутишь? – проныла Ленка, вставая на ноги, – вот возьму сейчас и уйду!

– Смирновка, ты лучше сядь, отдохни. Всё чисто. Спасибо.

Ленка, очень довольная похвалой, отправилась в ванную – вымыть руки, ведро и тряпку. Но на обратном пути она завернула в другую комнату, где ещё остался коньяк. Когда она вновь присоединилась к Ирке с Маринкой, последняя говорила, жуя второй бутерброд:

– Я в Бога не верю. Сказать тебе, по какой причине? Я не могу понять, как можно поверить в Бога! Физически не могу этого понять. Вот я в понедельник видела сон. Мне приснился Тишка.

– А это кто? – перебила Ирка. Ленка, усевшись с ногами в кресло, плачущим голосом объяснила:

– Это её ирландский терьер, который полтора года назад попал под машину.

– Да, да, он самый, – снова застрекотала Маринка, – он повторил моё приключение. Но ему повезло сильнее, он мучился только час. Так вот, в понедельник он мне приснился. Сон был такой. Стою на лесной дорожке, под ярким солнцем, и кричу: «Тишка, Тишка!» И Тишка вдруг появляется. И мы с ним бежим наперегонки по этой самой тропинке! Как я бежала! Так наяву ни один человек не может бежать. Со мной мчался Тишка – довольный, радостный. Его глаза сияли от счастья!

Маринка вдруг замолчала. Две её слушательницы думали, что она продолжит. Но она снова стала есть бутерброд и громко причмокивать. А потом начала облизывать свои пальчики, на которых остались крошки.

– Ну, и что дальше? – спросила Ирка.

– Дальше? Сон кончился. Я проснулась.

– И что ты этим хочешь сказать?

– А то, что это был рай. Я была в раю. Я до глубины души ощутила это всей своей кровью.

Ирка от удивления повернулась к Ленке. Но та зевала. И тогда Ирка спросила, опять взглянув на Маринку:

– Но если это был рай, что тебе мешает поверить в Бога?

– А то, что всё это было слишком чудесно и распрекрасно. Если за две минуты я чуть с ума не сошла от счастья, то как можно представить вечность, наполненную таким небывалым счастьем? Я допускаю боль, растянутую на вечность. Но такой блеск в глазах Тишки – нет! Это невозможно. Это обман.

– Почему обман? – удивилась Ленка, – в чём здесь обман? Тишка был весёлый! Помню, однажды мы с ним на рынок пошли – я, он, Юля, Оля ...

Тут зачирикал дверной звонок. Досадуя, что прервали, Ленка вскочила и понеслась открывать.

– Сперва спроси, кто, – велела Маринка, – вдруг Андрианова?

Но цепочка уже гремела. Потом заскрипела дверь.

– Мапочка, ты что, ночевать здесь будешь? – послышался голос девочки.

– Нет, я скоро приду, – ответила Ленка, – скажите бабушке, что я трезвая!

– Как стекло, – нахально издевалась другая девочка, явно старшая, – смотри, с лестницы не свались, а то разлетишься вдребезги! А ну, дай-ка мы поглядим, что там происходит ...

– Юлька, не смей так с матерью разговаривать! – заорала Ленка, – ой, что вы делаете? С ума сошли? Караул! На помощь!

Но ей никто не помог, поскольку и Ирка успела уже понять, что крики о помощи, хохот, брань и рыдания в этом доме звучат по поводу и без повода. Не хватало лишь санитаров. С силою двух молодых кобыл протопав по коридору, Оля и Юля без церемоний просунули рожи в комнату.

– Добрый вечер, – хитро взглянула на них Маринка, – что вам угодно? Руслана мы здесь не прячем. И алкоголь не употребляем.

– Гоните её домой, – попросила Юля, – пожалуйста! Ей ведь завтра на собеседование!

– Опять? Ну ладно, сейчас прогоним. Только, пожалуйста, отвезите меня к Серёжке.

Девочки с радостью согласились, хоть Ленка сзади орала, чтобы они шли немедленно спать, без них разберутся! Но спать, в итоге, пошла она, а Оля и Юля весело подкатили коляску с Маринкой к двери, перетащили через порожек и довели до следующей квартиры. Сзади шла Ирка с гитарой. Дверь открыл Алик – маленький, тощий, смурной таджик. Девчонки его шутиливо начали бить, а Маринка, имевшая с ним натянутость по причине кормления им голубей, а не воробьёв, без всяких расшаркиваний спросила:

– К Серёжке можно?

– Да, – сказал Алик и, к удивлению всех, помог затащить Маринку в квартиру. Видимо, он был чрезмерно пьян. Две девочки, пожелав всем спокойной ночи, заторопились к себе, на второй этаж. А Ирка самостоятельно повезла Маринку к Серёжке.

Глава седьмая

Серёжке едва исполнилось тридцать шесть. Но он умирал. Его короткая жизнь промелькнула ярко. Но без следа. Он был из интеллигентной семьи потомственных москвичей. Хорошее воспитание помогло ему стать виртуозным вором. Но виртуоз – не всегда профессионал. Поскольку Серёжка чистил карманы ради спортивного интереса, а интерес не берётся из ниоткуда, а стимуляторы интереса не стимулируют здравый смысл и инстинкт самосохранения, он садился в тюрьму из-за ерунды. После тридцати, получив в наследство двухкомнатную квартиру, рецидивист обменял её на однушку, затем по-быстрому совершил ещё два обмена и таким образом очутился здесь, в Павловском Посаде. Ленка Смирнова на него клюнула, разомлев от его симпатичной внешности, остроумия и привычки сорить деньгами. Но деньги быстро растаяли, и когда жених обокрал невесту, чтобы купить наркотики, их пути решительно разошлись. При этом друзьями они остались. И все соседи Серёжку очень любили, ибо он не был злым. Весь последний год он чувствовал себя плохо, но продолжал безобразничать. И процесс стал необратимым.

Был уже первый час, когда Ирка, держа гитару в левой руке, правой закатали кресло с Маринкой в маленькую Серёжкину комнату. Их визит не был неожиданным, так как Дмитрий Романович накануне предупредил Серёжку, что его дочь, возможно, к нему заглянет, и не одна. Посему Серёжка лежал на своём диване вполне одетый. Рядом с диваном сидел малюсенький чёрный пёс. Его звали Гром. Серёжка его подобрал на улице год назад, когда этот самый Гром ещё был щенком. Точнее сказать, отобрал – у Лёшки, который начал вертеть щенка за задние лапы, чтоб рассмешить Захарову. В одиночку Серёжка бы не управился. Но с ним шёл от озера Алик. Вырвав у дворника лом, маленький таджик предельно корректно попросил Лёшку щенка отдать. Лёшка поорал, но отдал. Так маленький чёрный пёс стал другом Серёжки и получил кличку Гром. Он, как и Серёжка, очень любил смотреть телевизор. Этим как раз два друга и занимались, когда припёрлись Маринка с Ирккой.

– Мы тебе водки не принесли, – сказала Маринка, погладив Грома, который к ней подошёл, – хватит пить, придурок!

– Мне и нельзя, – ответил Серёжка, приняв сидячее положение. Ирка, выключив телевизор, чтоб не орал, с пьяной деловитостью подержала Серёжку за руку выше кисти. Потом она примостилась возле него. Слева от себя поставила инструмент. Рука у Серёжки была костлявая, ледяная, будто у смерти. Но сам он смерть не напоминал даже отдалённо – нос имел длинный, глаза весёлые, стрижку стильную. А вот голос уже был слабым. Настолько слабым, что Ирка сразу не поняла ответ. Поняв же, расхохоталась.

– С ума сойти! Ему пить нельзя! Давно на тебя нашло озарение?

– Это не просветление, – внесла сразу две поправки Маринка, взяв пса к себе на колени, – если он утверждает, что ему пить нельзя, значит – укололся!

– Он что, дурак? – возмутилась Ирка, – давай-ка посмотрим вены!

– Мы ни черта не поймём. Медсестра ему через день всякие иммуностимуляторы колет в вену. Там всё исколото!

– Что за тварь приносит ему наркотики?

– А я знаю?

– Может, посмотрим его мобильник?

– Нет у него мобильного! Он его ещё в прошлом месяце раздолбал об голову Петьки.

– Кто этот Петька?

– Местный урод, друг Лёшки. Не знаю, как он проник сюда и зачем, но он хотел Грома прищемить дверью. Ну, и мобильник распался на пять частей.

– А башка?

– Башка не распалась. Наоборот, стала работать лучше. Но, тем не менее, жалко, что телефоны делают из пластмассы, а не из чугуна.

– Маринка! А ты не думаешь, что тот самый debil как раз приносил ему наркоту?

– Послушайте, суки, – вновь подал голос Серёжка, – я, вообще-то, здесь нахожусь! Что за разговор через мою голову? Если вы не уймётесь, я вот возьму да пса на вас натравлю!

– Твой свирепый пёс уже на меня напал! – вскричала Маринка, которой Гром вылизывал нос, – короче, Серёжка! Если тебе действительно пить нельзя и ты это понимаешь, мы при тебе бухнём. Ты не соблазнишься?

– Не соблазнюсь. А где вы возьмёте?

Маринка вместо ответа вынула из кармана платяного мобильного и набрала короткое сообщение. Почти сразу после того, как оно ушло, дверь вдруг распахнулась без стука, и вбежал Гиви. На нём был строгий костюм, который он, видимо, примерял в данную минуту. Ясное дело, грузин пожаловал не с пустыми руками. В одной был ром, в другой – три бокала. Рома была полная бутылка, и не простая, а семисотграммовая.

– Спасибо за приглашение, – гаркнул уроженец Тбилиси, жестом попросив Ирку придвинуть к дивану журнальный столик и всё на нём расставляя, – закуской располагаете?

– Не нужна, – сказала Маринка, весело трепля Грома, – все моряки как раз потому и предпочитали ром, что этот напиток можно не запивать и не заедать. Ты где его брал?

– Конечно, в торговом центре! Я ведь теперь там работаю.

– Неужели?

– Богом клянусь! Рынок, как ты знаешь, скоро закроют, и я заранее снял отдел в этом самом центре. Кстати, Ирина! Ведь мы с завтрашнего дня коллегами станем. Я буду брать цветы на реализацию.

– Потрясающе, – восхитилась Ирка, – мы будем пить или поздравлять друг друга с идиотизмом?

Гиви скрутил с горлышка бутылки пробку, налил. Взяв бокал, Маринка поморщилась. Гром чихнул.

– Да пейте быстрее, мать вашу драть! – взмолился Серёжка, – я не могу на это смотреть!

И он начал кашлять. Все поспешили избавить его слезящиеся глаза от тяжелого зрелища. Потом Ирка взяла гитару и стала импровизировать – но негромко, чтобы Галина Васильевна не услышала, не пришла и не присоседилась. Гиви в пышных подробностях рассказал, как Ирка побила Лёшку.

– Вот это зря, – просипел Серёжка, вытерев рот платком, – у него друзья – уголовники.

– Значит, мы с ним на-равных, – сказала Ирка, беря аккорд, – ты разве не уголовник? Или ты мне не друг?

– Статья статье рознь, – заметил Серёжка, – я не мокрушник.

– Да хватит её запугивать! – прошипела Маринка, – дверь у неё железная, и в подъезде – полно народу! Пусть только сунутся!

– Ира, а если я проведу несколько ночей у тебя? – очень милым тоном предложил Гиви, вынув из пиджака пачку дорогих сигарет, к которой Серёжка сразу же потянулся, а вслед за ним и Маринка, – ты не волнуйся, я буду спать в другой комнате! Как тебе такая идея?

Ирка решительно отказалась, выразив свой отказ взмахом головы. Когда её собеседники закурили, она сказала, перебирая ногтями струны:

– Гиви, в той комнате спать нельзя. Там стоит рояль.

– А разве рояль всю комнату занимает?

– Нет, только половину.

– Так в чём же дело?

– Он по ночам играет! – выкрикнула Маринка, – ты что, не слышал?

Гиви сделал затяжку и улыбнулся.

– Ну, и пускай! Я – меланхоличный романтик. Люблю засыпать под музыку.

– Эта музыка предназначена для меня, – возразила Ирка, – нет, Гиви, нет. Спасибо за предложение, но оно взаимоневыгодно. Наполняй-ка лучше бокалы!

Сказано – сделано. Потом Гиви начал замысловатый грузинский тост. Но тут пришёл Алик с кофейной чашкой. Он заявил, что крики мешают ему уснуть. Пришлось тост прервать и наполнить чашку. После того, как выпили, Алик от всей души поблагодарил компанию и ушёл. Ирка начала исполнять «Шербурские зонтики», и Маринке сделалось грустно. Не устояв перед романтической бурей с воем и наводнением, Гром сбежал от неё под шкаф. Тогда буря стала ослабевать, хоть грустная музыка продолжалась. Гиви всучил Маринке салфетку, и она вытерла слёзы.

– Что ты ревёшь? – чуть слышно спросил у неё Серёжка, – всё хорошо!

– Да это тебе хорошо! – опять взорвалась Маринка, – и Тишке было отлично! Быстро сдыхать – это замечательно, я согласна! Даже и спорить с тобой не буду! Папочка трахается, и ладно! Главное, чтобы папочке было классно!

– Маринка, ты неправа, – заявила Ирка, ударив рукой по струнам, – если бы твой отец пылинки с тебя сдувал и не отходил ни на шаг, ты бы ещё громче завывала! Я тебя знаю. И от Серёжки отстань. Он сейчас орать на тебя не может, и ты его забиваешь.

– Я всех уже задолбала! – не унималась Маринка, – буквально всех! Меня слишком много!

Гиви опять наполнял бокалы. Ирка подстраивала струну. Когда Серёжка с Маринкой стали гасить окурки, их пальцы соприкоснулись над старой бронзовой пепельницей в виде лежащей собаки. И странно – это прикосновение что-то сделало с ними. Они вдруг замерли, взявшись за руки. А потом Серёжка, откидываясь на спинку дивана, сказал:

– Маринка, ведь у меня нет выбора. Никакого.

– Серёженька, понимаю! Поэтому и завидую. Когда нет никакого выбора, это круто. Если он есть, легко ошибиться. А ошибиться страшно! Я ведь не Ирка, которую охраняет пуговица.

– Маринка, ты погнала, – разозлилась Ирка, – я эту глупость не говорила! Давайте просто заткнёмся и просто выпьем.

Никто возражать не стал. Осушив бокал, Ирка заиграла что-то венгерское, с яростными ударами по всем струнам. Гиви, по молчаливой просьбе Серёжки дав ему градусник, затянул грузинскую песню. Маринка маниакально пыталась встать с непонятной целью – видимо, для того, чтоб пуститься в пляс.

Вот тут Галина Васильевна и явилась. Алик в этой связи ухитрился сделать два добрых дела одновременно: во-первых, он Галину Васильевну не впустил, во-вторых – передал от неё компании банку отличнейшего овощного рагу. Одним словом, всё было бы неплохо, но градусник показал почти тридцать девять.

– О! – воскликнула Ирка, прищурившись на шкалу, – пора расходиться, судари и сударыни! Гиви, неси сюда анальгин и лей по последнему.

– Да, и грузинский тост! – визжала Маринка, – без тоста я не уйду, даже не мечтайте!

– Ты в любом случае не уйдёшь, а уедешь, – обескуражила её Ирка. Достав из шкафчика сковородку вместо большой тарелки, которой не было, она вывалила в неё две трети рагу, а треть отдала Серёжке.

– Завтра сожрёшь!

Тем временем, Гиви перелил весь оставшийся ром в бокалы и начал произносить весьма нудный тост. Когда он его окончил, рагу уже было съедено. Он обиделся, но решил особенно не скандалить, ибо действительно уж давно пора было расходиться. И разошлись. Серёжка остался с Громом и анальгином, Гиви – с обидой, Алик – с кофейной чашкой, Маринка – с Иркой. Время уже приблизилось к двум. Доставив домой Маринку, Ирка ей помогла раздеться, выполнить водные процедуры и лечь в постель. На это ушли все силы и весь крохотный остаток здравого смысла. Придя к себе, Ирка не легла, а грохнулась спать. Наружную дверь квартиры она оставила настежь. Зато дверь комнаты постаралась прикрыть как можно плотнее – мало ли, что!

Прошло полчаса. Когда за стеной заиграл рояль, Ирка не проснулась. Когда в подъезд, а затем в квартиру вошли на цыпочках двое, ей снилось что-то приятное. Кажется, райский сад. Только без цветов. Цветы она целый год уже ненавидела всей душой. Услышав рояль, два незваных гостя перемигнулись, хоть в коридоре было темно.

– Нормально, – прошептал Лёшка, – она, кажись, там играет!

– Да я бы лучше сыграл, – ответил второй, – по ходу, грузин её напоил! Поэтому дверь открыта.

– А вдруг он с ней?

– Тебя это парит?

– Наоборот!

– Тогда закрой варежку.

И они устремились в комнату, где играл рояль. И сразу зажгли в ней свет.

В шесть утра Галина – но не Васильевна, а другая, с первого этажа, вышла на лестничную площадку, чтобы отправиться на работу. Заперев дверь, она повернулась к лестнице. И – до крайности озадачилась. Дверь противоположной квартиры была открыта. Полностью. Нараспашку. И ни внутри, ни рядом с этой квартирой ни одного человека не наблюдалось. Здоровое любопытство было Галине свойственно.

В шесть часов ноль одну минуту Ирка проснулась от диких воплей за дверью комнаты. Очумело спрыгнув с дивана, она, босая и почти голая, выбежала в прихожую – вдруг пожар? Но всё оказалось хуже. Во много раз. Посреди прихожей лежала её соседка Галина. Она теряла сознание. Дверь квартиры была распахнута, как и дверь второй комнаты. Голова у Ирки – спросонья, спяну, с испугу, вся затуманилась, пошла кругом. Но когда Ирка сунула нос во вторую комнату, голова взяла да пошла зигзагами.

У рояля лежали два человека. Один из этих людей был, кажется, Лёшка. Очень предположительно, потому что его ещё накануне русая голова была вся седая. Второй мужчина был

лысый и Ирке вовсе неведомый, в связи с чем она не смогла оценить степень перемены, произошедшей с ним. Оба они были мертвы.

Глава восьмая

Тридцатого марта в наполненный слухами городок приехала Женька, с которой Оля и Юля завели дружбу в Фейсбуке. Её на станции встретил Гиви. Хоть две сестры из Павловского Посада предупредили его о внешней неотличимости двух сестёр из Выхино, он сначала оторопел, увидев младшую копию Анжелики Варум, сходящую с поезда. Не заметить Женьку в целой толпе пассажиров не смог бы даже и Алик – большой любитель блондинок, к которым Женька не относилась категорически и которых в толпе насчитывалось штук десять. В правой руке она бережно несла футляр с саксофоном, в левой – рюкзак. На ней была мини-юбка, туфли с высокими каблуками, колготки, блузка и пиджачок. Для плюс десяти – нормально. Гиви приблизился.

– Добрый день, Евгения Николаевна.

– Полагаю, что ещё утро, – строго взглянула на него Женька, протягивая рюкзак, – по всей вероятности, вы Георгий?

– Вы не ошиблись. Но меня все называют Гиви.

– Я не сторонница фамильярностей. Впрочем, как вам угодно. Идёмте, Гиви!

Они спустились с платформы, воспользовавшись мостом, и неторопливо двинулись к рынку. Женька хромала – новые туфли ей натерли пятки. Низко над городом плыли сизые облака. Снег растаял полностью, и повсюду стояли лужи. Рюкзачок Женьки весил порядочно.

– Это у вас саксофон? – поинтересовался Гиви, разглядывая футляр, который она оставила при себе.

– Да, альт-саксофон.

– Вы на нём играете?

– Разумеется. Согласитесь – было бы странно, если бы я, окончив консерваторию по трубе, хотя бы на среднем уровне не владела также и саксофоном! Разница между ними только в диапазоне. Диапазон шире у трубы. А у саксофона – длиннее. Он иногда совсем не даёт мне спать по ночам.

– Саксофон?

– Ну, да.

– Это каким образом?

– Очень просто. Он весь кривой, поэтому звуки в нём застревают, а ночью время от времени вырываются. Вот попробуй тогда, поспи!

Гиви осенила догадка.

– Скажите, Женечка, а в рояле звук не может застрять, а ночью вдруг вырваться?

– Нет, Георгий. С рояльным звуком подобная ситуация невозможна. Надо искать причину в другом. Но не беспокойтесь, я разберусь. Ведь я, как-никак, окончила университет военной криминалистики!

– Неужели? А Ира мне говорила, что вы учились только в медколледже.

– Во даёт! – усмехнулась Женька, сделав большой прыжок через лужу, – но это, впрочем, логично. Ирка под пытками никому не скажет, что я училась в консерватории! Ведь она сама окончила её с тройками, а в моём дипломе тройка стоит лишь по физкультуре, и то лишь из-за того, что я подвернула ногу, когда улучшила мировой рекорд по прыжкам в длину. Нет, я вру – конечно же, у меня было растяжение связок! Вызвали Скорую. Но у тех, кто звонил ноль три, хватило ума сказать о рекорде, и экипаж приехал психиатрический. Руководству консерватории, чтобы всё это дело как-то замялось, пришлось наврать, что произошла ошибка.

Физрук поставил мне тройку для убедительности. Но вы только Ирке не проболтайтесь, что вам об этом известно, не то она тут вся кровью будет блевать от радости!

– К сожалению, с ней уже это происходит, – сообщил Гиви. Женька взглянула на него искоса.

– Ага! Ясно. Девочки мне писали, что у неё сильный нервный срыв, но я не предполагала, что эта дура в течение столь короткого времени доберётся до местной водки!

– Боюсь, что вы меня не так поняли, – вздохнул Гиви, – Ира не только пьёт.

Брови Женьки сдвинулись.

– Идиотка! Она что, колется?

– Всё возможно. Она связалась с Серёжкой. Оля и Юля вам про него писали?

– Конечно. Чёрт! Этого ещё не хватало! Но я не удивлена. Ведь пять лет назад мне с этой её проблемой пришлось работать не один день, так как я училась только на первом курсе мединститута. Но обо мне – потом. Вы лучше скажите мне одну вещь: если эта дрянь села на иглу, почему хозяева не дают ей пинка под жопу?

– Эти наивные старички ничего не поняли. Её странное состояние объясняют стрессом. И они чувствуют себя перед ней очень виноватыми – ведь рояль принадлежит им! А она всего лишь забыла запереть дверь. И, кроме того, она заплатила им за два месяца.

– Понимаю, – кивнула Женька, – жадность, прижимистость, меркантильность и ограниченность. А полиция что сказала? Надеюсь, было проведено расследование?

– Безусловно. На высочайшем идейно-художественном уровне. Участковый и дознаватель, выпив вина с Галиной Васильевной, заявили Серёжке, что он, как рецидивист, получит двадцать пять лет, если не признает себя виновным в двойном убийстве. Если признает – двадцать. Когда Серёжка им объяснил, что ему осталось жить две недели, они пошли к Розе Викторовне и с нею напились водки. Полковник спецназа Золотов, ознакомившись с показаниями Серёжки, вызвал его на дуэль. А судмедэксперты установили, что Лёшка и его друг скончались от алкогольной интоксикации.

– Что за вздор? – возмутилась Женька, – впёрлись в чужую квартиру ночью и в один миг сразу оба сдохли от алкогольной интоксикации? Ирка мне говорила, что Лёшка был весь седой, и рожи у них обоих были искривлены от ужаса!

– Так и было. Все это видели. Но врачи со следователями дружат. Одновременная смерть от палёной водки, которую по ночам продают, вызывает меньше вопросов, чем, например, от инфаркта. Вы так не думаете?

– Сперва надо осмотреть место происшествия, а потом уже выстраивать версии, – осадила прыткого дилетанта Женька. Они сворачивали уже на улицу Кирова.

И вот тут пришлось задержаться. Из-за угла магазина навстречу им вылетел не первой свежести джип, «Линкольн Навигатор». Не успел Гиви объяснить Женьке, что это за автомобиль, как тот вдруг остановился, чуть не создав аварию со смертельным исходом, и из него, из этого джипа, выпорхнули два джентльмена с очень похожими на джип лицами. Оба были в штатских костюмах, но почему-то имели манеры военачальников, одержавших уверенную победу над целым литром сорокаградусного бухла. Со сжатыми кулаками подбежав к Женьке, они внезапно начали угрожать ей какой-то лютой расправой и обвинять её в лицемерии. Это всё было весьма странно. Ни пешеходы, которые проходили мимо, ни Гиви за Женьку не заступались. Но Гиви, кажется, выжидал.

– Да кто вы такие? – вскричала Женька, переводя испуганные глаза с одного плюющего лица на другое, – и по какому праву мне угрожаете?

– Я тебе сейчас зачитаю, сволочь, твои права! – проорал в ответ один из её загадочных собеседников, коренастый и лысоватый, – но после этого ты три года будешь играть на своей трубе знаешь где? В кружке самодеятельности Мордовской женской колонии! НАТО всё

расширяется на восток, а ты мне тут нервы треплешь, паскуда? Я удивлюсь, если адвокаты добьются для тебя двушечки!

– Ишь ты, сука, принарядилась! – тьякал другой, столь же неказистый и низкорослый, – на наркоту деньги есть, на шмотки с духами есть? Да знаешь ли ты...

А уж дальше шёл такой мат, что для бедной Женьки стал недоступен смысл не только всего диалога, но и отдельных фраз. Она умоляюще поглядела на своего попутчика.

– Познакомься, Женечка, это – начальник местного ОВД и помощник следователя районной прокуратуры, – отрекомендовал двух крикунов Гиви, дождавшись паузы, – их зовут Владимир Владимирович и Сергей... Сергей...

Тут Гиви защёлкал пальцами.

– Владиленич? Кужугетович? – начала подсказывать Женька.

– Да, Вродеэтович. Они думают, что ты – Ирка, которая наркоманит, живёт без временной регистрации и клянётся, что денег у неё нет.

– Да, денег у неё нет, – подтвердила Женька, сунув руку в карман и на расстоянии показав фельдшерскую ксиву, – но вы держитесь. Не унывайте.

Сосредоточенно поморгав глазами на карточку, два официальных лица, багровых от ярости, обрели здоровый розовый цвет.

– Просим извинить, – лихо козырнул Сергей Вродеэтович, – так Ирина – ваша сестра?

– Скорее всего, – поморщилась Женька, – я проживу у неё три дня. Может быть, неделю. Без временной регистрации. Попрошу не путаться под ногами. Я должна вытащить свою старшую сестру из дерьма.

– Она утонула, – сказал Владимир Владимирович, и оба военачальника погрузились в свой чёрный джип. Даже не взглянув, как он отъезжает, Гиви и Женька вышли на улицу Кирова. Закурили. Женька очень внимательно озиралась по сторонам и делала фотографии на мобильник. Гиви не понимал, что здесь можно фоткать. Серость на небе и на земле, обшарпанные дома и злые физиономии до того ему опротивели, что он думал о возвращении в Грузию, где три бабы его разыскивали по поводу алиментов.

С недоумением поглядел на Женьку и Керниковский, куривший возле подъезда. У него тоже был выходной.

– Евгения Николаевна, – церемонно представил спутницу Гиви.

– Дима, – представился Керниковский, протянув руку. Женька её сдержанно пожала, сначала пристально поглядев на полуседые волосы и седые усы нового знакомого. Он был в джинсах, свитере и домашних замшевых тапках.

– Дмитрий Романович, – добродушно поправил Гиви.

– Ну, хорошо, – согласилась Женька, – очень приятно. Если не ошибаюсь, Дмитрий Романович, ночь с четырнадцатого на пятнадцатое марта вы провели в Москве, у своей знакомой?

– Сколько вам лет? – несколько секунд помолчав и сбив с сигареты пепел, мягко спросил педагог, – извините, дамам, конечно, таких вопросов не задают, но я, как и вы, Евгения Николаевна, любопытен до неприличия.

На лице у Женьки не дрогнул ни один мускул.

– Мне двадцать два, – соврала она, – могу я поговорить с вашей дочерью?

– Не имею ничего против. Но только прежде поговорите с вашей сестрой. Ведь вы – медсестра, простите за тавтологию?

– Не совсем, – отрезала Женька, – у вашей дочери – патология? Поздравляю! Вам бы за это просить прощения у неё, а не у меня. Дурная наследственность – благодатная почва для большинства отклонений!

– Тогда позвольте от всей души поздравить вас с тем, что я – не ваш папа. А заодно и себя.

– Скажите уж лучше – дедушка! – абсолютно безосновательно брызнула Женька ядом и, далеко отшвырнув окурок, впёрлась в подъезд. Гиви не отстал. Он показал Женьке, какую из

четырёх квартир занимает Ирка. Дверь оказалась не запертой. Оглядев всю квартиру мельком, Евгения Николаевна положила вещи на кресло рядом с роялем. Затем она сняла туфли, надела Иркины шлёпки и, достав лупу из рюкзака, вышла на площадку. Гиви ждал там.

– Где эта овца? – спросила у него Женька.

– У тебя крепкие нервы?

– Из стальной проволоки.

– Ну, ладно.

И повёл Гиви Женьку к Серёжке. Алика дома не было. Он кому-то стеклил балкон. Серёжка, который после начала своей болезни все силы тратил на то, чтобы не казаться больным, лежал, как всегда, чуть ли не в костюме. Курил, глядя в потолок. Лицо у него за несколько дней исхудало так, что сделалось страшным. Ирка валялась рядом – носом к стене, чуть подогнув ноги. Она была почти голая и спала. На скрипучих стульях сидели пьяненькие Захарова, Андрианова и Смирнова. Как и Серёжка, они курили, о чём-то тихо беседуя. Гром лакал из миски кефир. Когда Гиви с Женькой вошли, три бабы и пёс так дико уставились на последнюю, а потом на Ирку, что у Серёжки вырвался смех.

– Да это её младшая сестра, – сказал он чуть слышно, протянув Ленке окурочек, – я её фотку видел! Похожи?

– Одно лицо, – мяукнула сонная Андрианова, – обалдеть!

– Если это можно назвать лицом, – съехидничала отёчная, с редкозубым ртом до ушей, Захарова, – дело вкуса!

Из-под очков у Смирновой капали слёзы. Подойдя к Женьке, Гром с любопытством её обнюхал. Она внимательно осмотрела его сквозь лупу. Потом она осмотрела дверной замок. Затем поинтересовалась, не лучше ли открыть форточку. Андрианова объяснила, что у Серёжки сильная пневмония, у Ленки – насморк, а у Захаровой – убеждённая, что смерть не может войти туда, куда перед этим не влетит птица. Гиви, стиснув руками голову, удалился. Тогда Евгения Николаевна подошла к дивану, решительно перегнулась через больного и начала осматривать руки своей сестры.

– Она жрёт таблетки, – тихо рыдая, наябедничала Ленка Смирнова, – транквилизаторы!

– Где берёт?

– В четвёртом подъезде живёт старушка, которой всякие психотропные препараты выпи-сывают! И Ирка взяла у неё рецепт, отдав ей за это пуговицу.

– Ту самую, золотую?

– Да уж, наверное, не пластмассовую, от старых штанов!

– Как зовут старушку?

– Анна Лаврентьевна.

Убрав лупу в карман коротенькой юбки, Женька пощупала пульс Серёжки, одновременно прислушиваясь к дыханию.

– Сколько ты хотел бы прожить, имея в виду реальное состояние дел? – спросила она. Серёжка что-то ответил, на этот раз слишком тихо.

– Одну неделю, – всхлинула Ленка Смирнова, лучше других научившаяся его понимать.

– Тогда – госпитализация, друг мой! Надо вызывать Скорую.

– Три врача ему это долбят! – воскликнула Андрианова, – толку – ноль!

– Серёженька, надо вызвать, – запричитала Захарова, давя в пепельнице окурочек, – девочка знает! Все некрасивые – умные!

– Зеркало предъявит вам исключение, – не осталась Женька в долгу. И, шлёпая шлёпками, ускакала. Но не особенно далеко, так как у неё возникла идея заглянуть к Гиви.

Грузин жил в маленькой комнате. Мебель в ней была старая, зато крепкая, потому что Гиви отремонтировал её сам. Теперь он, пользуясь тем, что торговый центр на один день закрыли в связи с какой-то проверкой, решил покрасить окно. Масляная краска пахла ужасно.

Но Женька смело вошла. И первым, что бросилось ей в глаза, был небольшой ключ, висевший на гвоздике, вбитом в стену возле двери.

– Что это за ключ? – спросила она, бегло осмотрев его через лупу. Гиви, сменивший новый пиджак на старый, медленно водил кисточкой по открытой оконной раме.

– А, этот? Он от той самой квартиры, где Лёшка жил.

– Какой Лёшка? – с недоумением опустила Женька свой инструмент, – тот, который умер?

Гиви кивнул. У Женьки, естественно, появился третий вопрос.

– А какого хрена он у тебя-то делает?

– Просто я про него забыл. Мне его дала ещё год назад Лёшкина соседка, Галина. Она живёт вместе с мамой, Дарьей Михайловной. Теперь они, вероятно, получают Лёшкину комнату.

– погоди! Галина – это та самая, которая обнаружила трупы возле рояля, криками разбудила Ирку и потеряла сознание?

– Да, та самая.

– А зачем она дала тебе ключ от их с Лёшкой общей квартиры?

Гиви погрузил кисточку в банку с краской, потом извлёк и начал опять наносить мазки.

– Ну, как тебе объяснить? Ты ведь уже знаешь, что Лёшка был полоумный. Дарья Михайловна и Галина решили, что будет лучше, если я буду иметь возможность в любой момент прийти к ним на помощь. Мало ли, что! Теперь поняла?

– Угу.

– Но они и сами слегка с головой не дружат, – продолжал Гиви, чуть помолчав, – знаешь, что придумали?

– Что?

– Что Ирка – вампир.

– Моя сестра?

– Да.

Женька усмехнулась.

– Отдаю должное их смекалке и проницательности! Но как они догадались?

– Вот уж не знаю! Но они твёрдо убеждены, что Лёшка и Колька сдохли из-за того, что Ирка у них выпила всю кровь. Ещё они утверждают, что она кровь сосёт у Серёжки, поэтому он болеет.

– Но это бред! Те двое ведь умерли вовсе не от потери крови, а у Серёжки – СПИД! Он ещё задолго до Ирки начал болеть!

– Ну, а от меня что ты хочешь? – с досадой спросил грузин. Женька почесала затылок.

– Да ничего! Я просто офигеваю. А они знают, зачем сосёт Ирка кровь?

– Чтобы молодеть.

– Молодеть?

– Конечно. Они считают, что ей уже пятьдесят, а выглядит она в два раза моложе только благодаря кровяной диете.

– Как интересно, – задумчиво проронила Женька, глядя на ключ. И тут она вспомнила, что такой же или похожий ключ лежит на столе в квартире, которую сняла Ирка. Он, вероятно, тоже был от замка наружной двери квартиры. Евгения Николаевна не сочла за труд туда сбегать и прибежать обратно с ключом.

– Гиви, я забыла спросить, ты знаешь Анну Лаврентьевну?

– Из четвёртого? – спросил Гиви, не отрываясь от дела.

– Да, из четвёртого, – пропищала Женька, заменив ключ на гвоздике, – что ты можешь о ней сказать?

– Ничего плохого и ничего хорошего. Очень нервная старушенция. Конфликтует со всем подъездом. Довёл её до такого лютого состояния родной сын. А что?

- Так она действительно состоит на учёте у психиатра?
- Да нет, вроде. У психиатра сынок её наблюдается. Витька его зовут. А она сама – у невропатолога.
- А её сын Витька – алкаш?
- Да, бывший десантник. С Лёшкой дружил. Зачем тебе это всё?
- Просто я люблю задавать вопросы, – сказала Женька и смылась.

Глава девятая

Дарья Михайловна и Галина по случаю воскресенья пекли в духовке пирог с черникой. Пока пирог за стеклом пышнел да румянился, мама с дочкой, сидя на кухне, думали-рассуждали, как бы вернуть к себе в дом Василия – того самого лейтенанта, который был, по твёрдому убеждению Гали, злостным вампиром и целый год супружеской жизни тем лишь и занимался, что пил её молодую кровь.

– Дура ты неумная, – говорила Дарья Михайловна, стуча по столу кулачком с синими прожилками, – уже третьего мужика зазря протрепала дурным своим языком! Чего его было славить по всему городу да на весь Интернет? Сосал и сосал! Зато лейтенант полиции! Другой, может, и не сосёт, а вот без погон! И без пистолета!

– Да неизвестно ещё, что хуже, – вяло махнула рукой Галина, – и что хорошего в пистолете? Убил он за десять лет хоть кого-нибудь из этого пистолета? Только всё ходит, грозится. Вернётся он, говорю! У нас ведь теперь две комнаты!

– Размечталась, – вздохнула Дарья Михайловна, – ты её получи сначала, вторую комнату! Вот возьмут и вселят кого-нибудь! За деньги всё быстро делается.

Замок защёлкал как раз во время произнесения этой реплики, потому две спорщицы не услышали ни щелчков, ни дверного скрипа. А вот когда из прихожей вдруг донеслись шлепки резиновых тапок по голым пяткам, они растерянно обернулись. Ох, лучше было бы им ослепнуть за один миг до этого! К ним шла Ирка. Не просто Ирка, а Ирка, помолодевшая лет на пять! И не просто Ирка, помолодевшая лет на пять, а в белой рубашке, густо заляпанной чем-то красным! Глаза у Ирки были подсинены и стрелками вытянуты к вискам, изо рта у Ирки сочились красные слюни. Ногти у неё на руках также были красными, очень длинными, и блестящими, а волосы на башке стояли торчком, будто она вылезла из печной трубы! Короче, это был страх.

– Я – Ирка-вампирика, – холодно отрекомендовалась гостья, входя на кухню, – не ждали? Сейчас я буду пить вашу кровь, проклятые злыдни!

– А-а-а! – слабо прогудела Дарья Михайловна, раскрыв рот с десятками золотых зубов. Потом, закатив глаза, она скovyрнулась со стула на пол. Женька маленечко растерялась. Вероятность того, что это всего лишь обморок, была очень невелика. Но выйти из роли было никак нельзя. А вот обороты сбавить, пожалуй, следовало – Галина, которую нужно было любой ценой расколоть, имела предрасположенность к обморокам и явно уже готовилась растянуться вслед за мамашей. Выплюнув изо рта просроченный кетчуп, взятый из холодильника Ирки, Женька утёрла ладонью рот и менее замогильным голосом изрекла:

– Не бойся! Я уже напилась Серёжиной крови, так что твою пока пить не стану. Но при одном условии. Ты расскажешь мне, каким образом просекла, что я – упыриха!

– А-а-а! – тонко повторила Галина возглас маман и всё-таки скovyрнулась. Но по-иному: не набок, а на колени. Стучаясь башкой в пол, она стала умолять не пить её кровь, хоть Женька ей русским языком объяснила, что и не собирается. Но противная жадина пошла дальше. Тыча дрожащим пальцем в родную мать, она сообщила, что у неё, у Дарьи Михайловны, диабет, а значит – кровь сладкая, так что пей, залейся, приятного аппетита! И, сука, даже причмокнула, чтоб наглядно изобразить, какая вкуснющая кровь у её мамы! И до того Женьки стало противно, что она плюнула Гальке в рожу и заорала, топнув ногой:

– Заткнись! Будешь отвечать на мои вопросы, крыса бесхвостая, а иначе за один миг останешься без своей поганой гадючьей крови! Всё поняла?

– Всё, Ирочка, всё, – паскудно защебетала Галька, пустив слезу, – ты спрашивай, спрашивай! Ничего не скрою, во всём признаюсь!

Женька вздохнула. Ещё раз сплюнула кетчуп.

– Ну, тварь, гляди – ежели соврёшь, приду к тебе ночью!

– Ой, только не приходи! Матерью клянусь – ни одного слова лживого не скажу, ничего не скрою!

– Окей. Как ты поняла, что я сосу кровь?

Галька вдруг замялась. Женька, заметив это, оскалилась – но слегка, чтоб не переборщить, как с Дарьей Михайловной.

– Говорю, говорю! – всполошилась Галька, – только скажи, ты ведь не рассердишься, если я всё тебе объясню?

– Ты что, идиотка? – взбесилась Женька, – быстро давай выкладывай, а не то у меня действительно аппетит от злости проснётся!

Галька, трясаясь, ей всё рассказала. Её рассказ был коротким: когда она, движимая беспокойством, а не любопытством, вошла в чужую квартиру с открытой дверью, то заглянула сначала в ближнюю комнату, и – увидела там двоих. В постели, по словам Гальки, спала довольная Ирка, а рядом с ней сидел за столом и что-то писал упырь, с которым она, судя по её счастливой улыбке и по его пребыванию в её комнате, была в дружеских отношениях. Самый настоящий упырь! Заглянув затем во вторую комнату, Галька там увидела трупы Лёшки и Кольки, лежавшие близ рояля. Ей стало ещё страшнее, и она грохнулась.

– Ты увидела упыря, сидящего рядом с Ирккой? – переспросила Женька, – то есть, рядом со мною? Упырь сидел за столом и что-то писал?

– Да, именно так, – закивала Галька, – писал гусиным пером, на листе пергамента! Представляешь?

Женька слегка повернула голову, чтобы глянуть на Гальку косо. Затем она повернула голову другим профилем и взглянула с другого бока. По роже Гальки тёк пот.

– И как упырь выглядел? – поинтересовалась Женька.

– Старый, с бородой, в рясе! Это был точно монах!

– И что, у него изо рта торчали клыки? С них капала кровь?

Галька замотала башкой.

– Нет, Ирочка, нет! Ничего подобного не было!

– А с чего ты тогда взяла, что это упырь?

– Я ведь говорю – это был монах, который сидел за столом и что-то писал! Пером! На листе пергамента!

– Ну и что?

– Не мучь меня, Ирочка! Ты всё знаешь лучше меня!

– Я знаю? Откуда? Я не дружу ни с каким монахом! И ни с каким упырём! Ты, кстати, про это полиции рассказала?

– Конечно, нет! Я что, дура? Они меня сразу бы отправили в сумасшедший дом, а маму – в дом престарелых, чтоб нашей комнатой завладеть!

Женька призадумалась над услышанным. Было ясно, что всё это – либо бред, либо издевательство, либо что-то иное. Также было понятно, что Галька полностью раскололась и больше ей рассказывать нечего. В это время Дарья Михайловна слабенько шевельнулась и застонала. Женька, не обратив на это внимания, от предельной сосредоточенности взяла да и облизала губы с громким присосом, поскольку кетчуп на них уже надоел. Вот это было ошибкой. Пока старуха приподнимала голову, молодуха лишилась чувств. Но Женьке, конечно, было уже пле-

вать на них на обеих. Выбежав из квартиры, она захлопнула дверь, выдернула ключ из замка и ринулась к Гиви.

Тот уже красил вторую раму окна и напевал песенку. Из соседней комнаты звучал хохот трёх или четырёх баб. Судя по всему, голос у Серёжки прорезался, чем он не преминул воспользоваться для всяческого словесного идиотства. О его склонности вечно врать, шутить и паясничать Женька знала от Ирки. От Аси же она знала, что он уже упустил свой последний шанс, спасти его невозможно. Ася это сказала, внимательно ознакомившись с результатом клинического анализа его крови, который Ирка скинула ей на почту.

Пел Гиви что-то тоскливое, по-грузински. Увидев Женьку, он замолчал и уронил кисточку.

– Ты чего? – изумилась Женька, успевшая за одно мгновение повернуть вторичную рокировку ключей на гвоздике.

– Ты что, ранена? – вскричал Гиви, – откуда кровь?

Женька поняла, что речь идёт о ночнушке. Пришлось небрежно расхохотаться, чтобы грузин не паниковал.

– А, вздор! Пустяки. Тампон прорвало. Слушай, Гиви, слушай! Дмитрий Романович где живёт?

Несмотря на хохот, который перепугал прохожих на улице, Гиви сразу не смог опомниться.

– Что? О чём ты меня спросила?

– Дмитрий Романович где живёт? Ну, этот, седой, с длинными усами!

– Да здесь, на первом. Следующая дверь слева.

Женька сообразила, что ей нетрудно было бы и самой догадаться – она ведь уже оббегала три квартиры из четырёх, имевшихся на площадке. Но от обилия информации голова трещала по швам. Ещё раз смотавшись к Ирке, Евгения Николаевна положила ключ на прежнее место и, подойдя к двери Керниковских, вдавила кнопку звонка. В квартире затренькало. Керниковский открыл мгновенно. Должно быть, он стоял рядом с дверью. При виде его лица Женька опять вспомнила, что опять забыла переодеться.

– Ещё раз здравствуйте, – проронила она сухим и официальным тоном, дабы перенаправить центр внимания с пустяков в деловое русло, – у меня есть к вам пара вопросов, Дмитрий Романович. Вы не будете возражать, если я войду?

– Думаю, что вам следует сделать это незамедлительно, – был ответ, – по подъезду дети иногда ходят.

– Благодарю. Но не беспокойтесь – это не кровь, а кетчуп.

Сказав так, Женька вошла. Маринка, которая выезжала из своей комнаты в коридор, слышала её пояснение, и знакомство прошло нормально, без криков. Дмитрий Романович предложил чайку или кофейку. Женька без раздумий дала согласие, потому что жрать ей хотелось сильно и она знала по опыту, что к чайку или кофейку всегда прилагаются бутербродики. И все трое расположились на кухне. Покуда Дмитрий Романович торопливо варганил кофе и бутерброды, Маринка с Женькой разговорились.

– Да, ты на Ирку очень похожа, – сказала первая, улыбаясь, – только она чуть-чуть похудее.

– На полтора килограмма всего, – уточнила Женька, глубокомысленно барабаня пальцами по столу с голубой клеёнкой, – а ты похожа на Ритку.

– На Ритку? Кто эта Ритка?

– Ритка Дроздова. Мы с Иркой лет пять назад ей сдавали комнату. Впрочем, цвет волос у тебя немножко другой. Хочешь, перекрашу? Я могу сбегать, краску купить.

– Сбегай и купи, – сказала Маринка. Она всё поняла сразу, в отличие от отца, который остался в полном недоумении от внезапной идеи Женьки. За зиму у него ухудшилось зрение, а к врачам он не обращался.

– Папочка, ты дашь денег на краску? – строго спросила у него дочь.

– Не надо никаких денег! – вскричала Женька, – у меня есть! Не бойся, дешманскую не куплю. Где здесь магазин? Сегодня торговый центр, кажется, на ремонте.

Дмитрий Романович улыбнулся, ставя на стол две тарелки – с печеньем и бутербродами.

– Ах, Евгения Николаевна! Перестаньте. Я, как и вы, кандидат наук. Поэтому знаю, какая у вас зарплата. Деньги на краску я дам.

– Я не кандидат никаких наук, – покраснела Женька, – я доктор! Ну, в смысле, врач Скорой помощи. Ирка вам, может быть, врала, что я – недоучка, но она врёт. Я, не в пример ей, работаю по специальности!

– Судя по твоей рабочей одежде, твой постоянный клиент, то есть пациент – сеньор Помидор, страдающий кровохарканьем, – улыбнулась Маринка. Женька вздохнула, усилив темп барабанной дроби ногтями страшной длины и яркости. Когда Дмитрий Романович сел за стол, сперва водрузив на него три чашки, она сказала:

– Ну, хорошо. Я вам объясню, почему на мне ночная рубашка Ирки.

– Да потому, что это – самый приличный и самый чистый предмет Иркиной одежды из всех оставшихся, – иронично предположила Маринка, – ты, вообще, не в ужасе от того, что с ней происходит?

– Мариночка, если б Женька не была в ужасе, то, наверное, не приехала бы сюда, – заметил Дмитрий Романович, размешав в своём чёрном кофе три ложки сахара, – все мы в ужасе! И велик он из-за того, что всё это происходит с очень талантливым человеком. Ты знаешь, Женечка, вчера Ира впервые за двадцать дней своего пребывания здесь села за рояль!

– Её потом долго били? – спросила Женька, также запустив ложку в сахарницу. Маринка от подслащения отказалась.

– Наоборот, – сказал Керниковский, – была овация! Здесь полгорода собралось. Рояль очень громогласный.

– Полгорода собралось? Это интересно. Так она что, играла перед открытым окном, совершенно голая?

– Нет, в трусах, – сказала Маринка, поднося чашку к губам, – но какая разница? Лично я не могу понять, как голая девка может быть интереснее Моцарта! Или Баха. Или Вивальди.

– Теоретически всё возможно, – не согласился Дмитрий Романович, – а практически и недавно. Голая девка – штука непредсказуемая.

Евгения Николаевна сделала отрицательный жест и уныло вгрызлась в бутерброд с сыром, иногда всасывая глоток горячего кофе. Эти занятия не мешали ей говорить. Она заняла сторону Маринки, сказав:

– И я не могу этого понять, особенно если это голая девка с пустой башкой и полным отсутствием воспитания! Когда Ирочка переехала, все жильцы нашего подъезда договорились, что каждый год они будут отмечать этот день как праздник. А я жила с ней в одной квартире! С рождения! Представляете?

– Женька, на твоём месте я бы даже и не рождалась, – цокнула языком Маринка, – бедная девочка!

Когда Женька съела три бутерброда с твёрдым голландским сыром и один с плавленым, ей напомнили о её желании объяснить, почему Иркина ночнушка имеет столь необычный облик и содержимое. Женька очень долго молчала, обдумывая ответ. А потом сказала:

– Дмитрий Романович, я вам всё объясню. Но сперва хочу задать вам один вопрос, как опытному историку и философу.

Керниковский молча наклонил голову. Его дочь глубоко зевнула. Но, когда Женькин вопрос прозвучал, насмешливый рот захлопнулся очень звонко. Этот вопрос был таков:

– Скажите, Дмитрий Романович, разве все священники – упыри?

– Да, вопрос, действительно, философский, – мрачно признал педагог, – но он очень многогранен. Ты, может быть, пояснишь, на каком фундаменте он возник?

Женька согласилась и объяснила. Её не перебивали. Ещё бы! А потом долго длилась растерянность.

– Всё понятно, – промолвил Дмитрий Романович, – значит, Галочка утверждает, что Ирка сладко спала, во сне улыбалась, а рядом с ней сидел за столом монах? И что-то писал гусиным пером на листе пергамента?

– Да, всё так, – подтвердила Женька.

– И Галя убеждена, что этот монах – упырь, считая его упырём лишь по той причине, что он – монах с гусиным пером? Других доказательств нет? Да и не нужны они?

– Да, всё так, – повторила Женька и цапнула бутерброд с финской колбасой. Её собеседник так глубоко задумался, что хотел было закурить, но вовремя спохватился, вспомнив, что он находится не на улице, и отдернул руку от сигарет. Тут подала голос Маринка:

– Папа, да что ты ломаешь голову? Этой Гальке всё померещилось! Ведь она ненормальная, как и её мамаша! Она давно помешалась на упырях. Ты чего, не знаешь? Все мужики, которые ей не нравятся – упыри, сосущие её кровь. А главный упырь – её бывший муж, который из-за неё чуть не спился! Васька!

– Упырь Лихой, – вдруг проговорил Керниковский и торжествуя поглядел сначала на Женьку, потом – на дочь. Обе удивились. Переглянулись.

– Упырь Лихой, вы сказали? – с тревогой спросила Женька, – что это значит?

– А это значит, что в первой половине одиннадцатого века в Новгороде жил некто Упырь Лихой. Упырём он не был. Но не был он и монахом. Он был попом. Но Галька не отличит попа от монаха. Короче, Упырь Лихой. А вот почему его так прозвали – убей, не помню. Возможно, даже не знаю. Этот Упырь Лихой занимался тем, что безвылазно сидел в келье и переписывал для Владимира, старшего сына Ярослава Мудрого, книги пророческого содержания. Ведь печатных станков тогда не существовало! Ещё про него известно, что он был великий постник – ел только хлеб с отрубями, которым делился с мышками. Вот тебе и ответ.

Изо рта у Женьки выпал кусок финской колбасы.

– А при чём здесь Галька?

– Галька при том, что Маринка правильно говорит, она помешалась на упырях и наверняка про них в Интернете роет частенько. Вот и наткнулась на это имя – Упырь Лихой. Конечно, у неё в памяти отложилось, что этот Упырь Лихой был священником. Значит, все священники – упыри. Логика железная.

– Ну а каким образом этот Упырь Лихой оказался в комнате рядом с Ирккой? – не унималась Женька, – это нелепость, Дмитрий Романович!

– Абсолютная. Он засел у Гальки в башке на определённом уровне подсознания, потом взял да и примерещился в шесть утра, спросонок. Возможно, что она видела этого Упыря Лихого во сне, и сон незаметно перемешался с явью. Такое часто бывает с некоторыми людьми очень ранним утром.

– Бывает и не такое, – весело подтвердила Маринка, налив себе ещё кофе, – особенно в этом доме! Это волшебный дом. Некоторые граждане видят здесь иногда слонов, крокодилов и носорогов. Я уж не говорю про чертей!

Доев бутерброд, Женька молча встала и вышла с туманным, мрачным и ледяным настроением. На площадке она почуяла, что из логова её жертв, напуганных кетчупом, вкусно пахнет ягодным пирогом. Подойдя к их двери, она нажала на ручку. И дверь открылась – после того, как мнимая Ирка слилась, никто к этой двери не прикасался. Дарья Михайловна и Галина

опять сидели на кухне и громко спорили, был ли смысл Галине выходить замуж за Лёшку, который умер. Снова увидев Женьку, они умолкли и побелели. Пирог стоял на столе. Он был офигенный. Женька его взяла и пошла к себе. То есть, к Ирке.

Глава десятая

Керниковский, как выяснилось, не зря предостерегал о большой опасности столкновения в доме с мелкими паразитами. Когда Женька с пирогом вышла, в подъезд ввалилось человек семь подростков во главе с Олей и Юлей. Все они шли к ним домой, чтобы вытянуть из-за шкафа интернет-кабель, который был уже там не особо нужен, благодаря вай-фаю. Зато ему нашлось применение в другой области. С его помощью представлялось возможным осуществить замер глубины городского озера, дабы выяснить, действительно ли оно сливается с Атлантическим океаном возле американского побережья, как уверял священник из монастырской церкви, или это враньё и дно всё же есть. Увидев пирог, сопливые скептики и кощунники на одну минуту остолбенели, ибо Галина умела печь пироги не хуже, чем сплетничать. Женька также остановилась, поскольку путь был закрыт. Её ночная рубашка не привлекла детского внимания. Оно слишком было поглощено шедевром кулинарии. В конце концов, Оля с Юлей подняли всё же глаза на вампирский лик Евгении Николаевны и узнали свою фейсбучную подружницу.

– Привет, Женька! – сказала Юля, облизываясь.

– Привет.

– Ты чего, приехала?

– Типа, да.

– А это пирог с черникой? – спросила Оля.

– Типа того.

– А ты медсестра? – спросил белобрысый мальчик. Женька взбесилась. Она начала орать, что Ирка – тупая, гадкая, лживая идиотка. Затем от избытка чувств она понесла такую хреновину, что когда подростки спросили, сколько же ей, окончившей все университеты Европы, лет, пришлось отдать им пирог, чтоб этот вопрос замять. Так и разошлись.

Ворвавшись в квартиру, Женька ударила кулаком по роялю, который весь загудел, взяла свой смартфон и набрала Асе. Пока звучали гудки, она сняла тапки, запрыгнула на рояль и расположилась на нём, как кошка.

– У меня ровно десять минут, – негромко предупредила Ася, – я сижу в очереди к юристу. Ты у сестры?

– Если это можно назвать сестрой, – усмехнулась Женька и весьма сжато, но красочно изложила все свои приключения. Ася страшно развеселилась.

– Упырь Лихой – это блеск! – цокнула она язычком, – думаю, больничный через неделю тебе продлит Парацельс. Или Гиппократ. Что же ты намерена делать дальше? Каковы следующие шаги?

– Набить Ирке морду и навестить эту старушонку, Анну Лаврентьевну.

– Ту, которой твоя сестричка отдала пуговицу с орлом за транквилизаторы?

– За рецепты.

– Зачем тебе эта пуговица?

– Не знаю! Мне кажется, что она имеет какое-то отношение к смерти этих двух алкоголиков. Покажу её Керниковскому.

– Ты сначала выцарапай её у этой старухи, – хмыкнула Ася, – ночнушка с кетчупом её может не впечатлить.

– Что-нибудь придумаю. Круто, кстати, что ты напомнила про ночнушку! Пару секунд повиси.

Отложив мобильник, Женька стянула с себя рубашку, злобно отбросила её прочь и вновь слилась с Асей.

– Всё, я сняла эту помидорную тряпку!

– Зря ты сперва не включила видео, мне охота было взглянуть! А что там сейчас на тебе осталось?

– Трусы и лифчик. Здесь очень жарко, трубы ещё горячие. Слушай, Аська! Тут у меня возникла идея.

– Женечка, постарайся ею блеснуть как можно короче! Если вдруг что, пришли мне голо-совое. Тот, кто передо мной, вошёл в кабинет.

– Тогда не перебивай, – разозлилась Женька, – короче, такой вопрос. Ты можешь найти этого провокатора-подстрекателя из подразделения по борьбе с эльфинизмом, который девочек посадил? Ну, тех, Аню с Машей? Ты ведь ведёшь переписку с их адвокатшей! Нельзя ли как-нибудь с её помощью откопать этого прекрасного человека?

– Он засекречен, – сказала Ася, – но средства массовой информации его, кажется, рас-секретили. А зачем он тебе, Евгения?

– А вот я бы с ним познакомилась, привезла бы его сюда, в Иркину квартиру, да запихнула бы его ночью вот в эту самую комнату, где стоит волшебный рояль! Как тебе идея?

Ася вздохнула.

– Женечка, ты ребёнок! Во-первых, он – не debil, чтоб с тобой знакомиться и, тем более, ехать чёрт-те куда. Во-вторых, я вижу в твоей идее ещё парочку изъянов.

– Что ты имеешь в виду?

– Изъян первый: упырь упыря не тронет. Изъян второй: тот, кто будет писать про тебя роман, окажется вынужденным затронуть и этот важный аспект. Если на страницах романа появится провокатор из центра «Э» с эрекцией на Эзопа, автора упакуют за экстремизм. Мне его заранее жаль.

– Кто такой Эзоп?

– Эзоп – это тот, кто делает попы из жоп. И плюётся кетчупом.

– Чёрт возьми, – задумалась Женька, – это проблема! Но я подумаю.

– Думай. Как там Серёжка?

– Хрипит. Говорит с трудом. Пульс – около сотни, температура всё время за тридцать восемь.

– В больницу его вези! Пусть это случится там. Иначе потом ...

– Да он не бревно, чтоб его везти! – опять распалилась яростью Женька, сжав телефон, – и не провокатор! Он – человек!

– Я с тобой согласна... Ой, всё, пока!

Раздались гудки. Было уже два часа дня. Соскочив с рояля, Женька с трудом нашла свою лупу и стала производить осмотр места происшествия. Для начала она, понятное дело, обследовала рояль – сдувала пылиночки с каждой клавиши, поднимала крышку, дёргала струны. Даже вползала под инструмент, хоть пыли там было столько, что пришлось долго чихать. От этих ужасных звуков рояль постанывал. Потом Женька очень внимательно изучила мебель, убогую бытовую технику, свою собственную гитару, шторы и подоконники. После этого начала исследовать половицы. За этим делом её и застала Оля, которую прислала расчувствованная бабушка. Валентина Егоровна попросила внучку вручить Евгении Николаевне кабачок, в обмен на пирог с черникой. Самостоятельно открыв дверь и сразу увидев почти раздетую Женьку, ползавшую на четвереньках с лупой в руке, Оля удивилась.

– Ты чего делаешь?

– Я ищу крошки упырей для мышей, – ответила Женька, – тьфу! То есть, отрубей. Нельзя исключать, что Упырь Лихой мог их притащить на своих лаптях.

Оля убежала, молча положив овощ на табуретку в прихожей. Женька его вскоре обнаружила и до крайней степени удивилась – откуда взялся? Естественно, он был также обследован на предмет экстремизма... тьфу, упыризма! Ещё через пять минут в квартиру вошли три кумушки – Валентина Егоровна, Галина Васильевна, Роза Викторовна. Они приволокли Ирку, сказав ей, что её Женька сошла с ума. Ирка упиралась, крича, что там никакого ума никогда и не было и что если Женька вправду припёрлась, пусть её, Ирку, тащат не к ней, а к матери и к отцу на Новокосинское кладбище. Вслед за этой процессией шли и все остальные жильцы подъезда, кроме двоих – Серёжки с Маринкой. Их заменяли Захарова с Андриановой. Поглядев на высоко задранный Женькин зад в узеньких трусах, полтора десятка мужчин и женщин вполголоса обменялись разными мнениями. Потом Керниковский решил уйти, пока не всплыла информация о его причастности к катастрофе с Женькиной головой. Ушли и Галина с Дарьей Михайловной, удручённые тем, что их одурачили.

Пока Ирка выла и верещала, что Женька – дрянь, тупица и недоучка, её младшая сестра подползла вплотную к её ногам – а Ирка была босиком, и стала рассматривать через лупу ногти, с которых лак давно слез. И вдруг она задрожала всем своим телом, сложенным втрое.

– Ирка! Грани и цвет ногтей говорят о том, что у тебя – большая предрасположенность к раку прямой кишки! Сейчас я их сфоткаю и отправлю снимки специалистам! А потом сфоткаю твою задницу!

Тут у Ирки сразу все её волосы встали дыбом. Забыв о том, что Женька – тупица и недоучка, она мгновенно вытолкала всех вон и стала снимать трусы. Но Женька уже от хохота за живот держалась, вставая на ноги.

– Ха-ха-ха! Вот дура! Я развела тебя, как лохушку! Подохнешь ты не от рака, а от удара молнии, потому что башка у тебя – чугунная! Как горшок! Ой, я не могу!

– Немедленно выметайся, – глухо проговорила Ирка, натягивая трусы и сдвигая брови, – чтоб твоего поганого духу не было здесь через полчаса! Ты всё поняла? Даю тебе полчаса, чтоб ты убралась! Ни минуты больше!

– Нормально ты размечталась, – рассвирепела и Женька, – но только хрен тебе, дорогая! Я – на больничном. Уеду я отсюда через пять дней, и то лишь в том случае, если ты перестанешь жрать психотропные препараты и запивать их водкой! А если не перестанешь, я задержусь на неопределённое время и буду здесь заниматься музыкой!

Указательный палец Женьки с длинным и красным ногтем вытянулся к футляру с альт-саксофоном. Увидев этот предмет, Ирка вся от ярости затряслась. Облизала губы.

– Ты не учишь одно, – сказала она, – я эту квартиру снимаю официально! И если я вызову полицию, тебя вышвырнут вместе с этой твоей трубой! И мало того – к тебе на работу поступит сигнал о том, что ты совершила противоправное действие.

– Офигенно ты размечталась, – фыркнула Женька, – но только хрен тебе! Вызовешь ментов – я пойду пить кофе к Маринке. Менты уедут – вернусь. Дубликат ключа я сделать уже успела. Когда ментам надоест сюда приезжать, они на тебя пожалуются хозяевам. Не боишься потерять хату?

– А я другую сниму!

– На какие деньги? Ты на колёса подседа крепко. С работы тебя уволят к чёртовой матери, если ты не предъявишь больничный лист! Кто, кроме меня, тебе его сделает?

Ирка молча прошла на кухню. Сев левым боком к столу, закинула ногу на ногу и, сцепив на коленке руки, мрачно насупилась. Как сова. Немедленно к ней присоединившись, Женька заметила, что зрачки у неё нормальные, взгляд – задумчивый.

– Видишь, Ирка, сколько проблем, – продолжала Женька, воспламенив под чайником газ, – не проще ли перестать идиотничать? А?

– Не надо меня лечить, – огрызнулась Ирка, – лечи Серёжку, если ты так поумнела!

– Ирка! Серёжка умрёт счастливым. Он прожил жизнь, которой доволен, и у него – до фига друзей. А ты всё ли сделала для того, чтоб сдохнуть без сожаления?

– Я сказала, Женька, не надо меня лечить! Ты чего, тупая?

Чайник за три минуты вскипел. Женька сполоснула две кружки и приготовила кофе. Открыв затем холодильник, она увидела молоко, яйца и чеснок. Срок годности молока пока не истёк. Старшая сестра от кофе не отказалась, но не взяла ни сахар, ни молоко. Она пила очень крепкий и горький кофе. После всего лишь пары глотков лицо у неё стало проясняться. На нём возник небольшой румянец. Женька, следя за ней, поняла, что транквилизаторы доставляли Ирке больше мучений, чем удовольствия, и она сама бы с них соскочила. Только вопрос, на что?

– Я хочу забрать золотую пуговицу у бабки, – сказала Женька, – давай пойдём за ней вместе?

– Я не пойду, – ответила Ирка и почесала башку со спутанными и грязными волосами, – у меня очень туманная голова и слабость в коленках. Я лягу спать.

– Сперва напиши мне ноты.

– Какие ноты?

– Те самые, что звучат по ночам за стенкой. Я правильно поняла, что они всё время одни и те же звучат?

– Как ты задолбала! Дай мне бумагу и карандаш. Здесь их не ищи.

Женька побежала к Маринке. Вернувшись через минуту, она смахнула со стола крошки, после чего положила перед сестрой листок из блокнота и маркер. Ирка, корча рожу очень брезгливую, буквами написала следующие ноты: ми, ре, соль, до, ми, ре, до, ля, соль.

– И ни одного диеза, ни одного бемоля? – спросила Женька, забрав у сестры листок.

– Евгения, хватит умничать! Написала я всё, как есть.

– Это удивительно!

Скребя ногтем горбинку своего носа, Евгения Николаевна прошла в комнату. Там она убрала листок в карман пиджака, оделась и выбежала на улицу. Было уже четыре часа. Выглянуло солнце. Во дворе дети играли с Громом, который вышел гулять, и с рыжим котёнком. Выяснив у детей, в какой стороне четвёртый подъезд, Женька устремилась в ту сторону. Две живые игрушки вдруг поскакали следом за ней.

Женьке посчастливилось успеть вовремя. У подъезда стояла толпа жильцов. Они наблюдали, как санитары несут к специальной машине чей-то небольшой труп. Труп был запакован в чёрный пакет. Женька не особенно впечатлилась зрелищем – слава богу, досыта навидалась она трупешников и в пакетах, и без пакетов, и даже мелко разрезанных на кусочки. Практика ведь была не только в больницах, но и в ещё менее весёлых местах! И котёнок с Громом не впечатлились.

– Анна Лаврентьевна здесь живёт? – строго обратилась Женька к пожилой женщине, прижимавшей к губам платок. Дама поглядела на Женьку странно.

– Да вот, уже не живёт.

– Ах, мать твою за ногу! – не сдержала Женька досаду, – давно она переехала?

– Да вот, как раз сейчас и переезжает.

Тут голова у Женьки включилась. Старуху уже грузили. А нужно было всё выяснить! Женька бросилась к санитарам и стала требовать, чтобы ей показали тело. Но санитары грубо её послали, не испугавшись Грома, который на них рычал. Закрыв за мертвецом дверцы, сели они в кабину. Машина тронулась.

Тогда Женька помчалась опять к жильцам, которые расходились, и стала громко кричать, топая ногами, чтоб ей объяснили всё. Но жильцы помалкивали, глядели на Женьку косо. И вдруг какой-то мужик, в котором благодаря тельняшке и прочим разным нюансам нетрудно было узнать десантника, повернулся к ней своим неприятным, злым и асимметричным лицом.

- Тебе-то какое дело до этой бабки? Ты кто такая?
- Моя сестра отдала ей пуговицу с орлом, – объяснила Женька, – на время!
- Мужик задумался.
- Золотую, что ли?
- Да, золотую! Вы её сын? Вас Виктор зовут?
- Орёл, значит, к ней влетел, – произнёс мужик, будто не услышав вопроса, – а орёл – птица! Птица влетает к смерти. Примета верная, я сто раз убеждался в этом! Надо сказать большое спасибо твоей сестре.
- Да вы лучше пуговицу отдайте!
- Бывший десантник окинул Женьку таким казарменным взглядом, что она съёжилась. Он глядел на неё целую минуту, а затем медленно повернулся и зашагал к подъезду.
- Да как она умерла? – заорала Женька, – говори, сволочь!
- Вопрос с таким прибавлением был услышан.
- Повесилась, – сказал Виктор и потянул на себя тяжёлую дверь, только что закрывшуюся за целым десятком его соседей.

Глава одиннадцатая

Краску Женька всё же купила. Дмитрий Романович возместил ей расходы. Почти до восьми часов она помогала Маринке сделаться ярко-рыжей, чтоб больше не было видно двух или трёх седых волосков, которые один только Керниковский не замечал. Потом притащилась Ирка с вымытой головой и с гитарой. Пока она разбирала с Маринкой гаммы и интервалы, её сестра проводила время на кухне с не меньшей пользой, поскольку Дмитрий Романович захотел её впечатлить своими гастрономическими творениями. Был борщ, крабовый салат, бараньи котлеты, жареная картошка и пирожки. Женька не особо стеснялась, так как была опять очень голодна. За борщом она рассказала о суициде Анны Лаврентьевны.

– Это грустно, но объяснимо, – заметил Дмитрий Романович. Он был очень спокоен. Женька от изумления подавилась и долго кашляла. Потом взвизгнула:

– Объяснимо? Вы что, согласны с её сынком-алкоголиком?

– Нет, конечно. Пуговичный орёл в этом абсолютно не виноват. Тут дело в другом, к сожалению. Этой бедной старушке назначили психотропные препараты именно для того, чтоб она не впала в депрессию. А она отдала их Ирке.

– Мать моя женщина! – ужаснулась Женька, выловив из борща приличный кусок говядины, – значит, Ирка её убила?

– Можно сказать, что да. Конечно же, Ирка не понимала, что делает. Лучше ей об этом не знать. Как ты полагаешь?

– Но ведь Маринка сейчас ей выложит всё! Или уже выложила! Я сдуру Маринке эту историю растрепала, пока мы волосы красили!

– Не волнуйся, Маринка сдуру не треплется. Ирка наверняка рано или поздно узнает, но – лучше поздно, чем рано. Она ещё мутноватая.

Две довольные гитаристки явились к чаю и к пирожкам.

– Лиса Патрикеевна, – весело поглядел Керниковский на волосы своей дочери. Та хихикнула.

– Раньше я была у тебя ворона, теперь – лисица. Ты, папа, прямо Крылов!

– Жан де Лафонтен, – сумничала Ирка, – Крылов ведь все свои басни у него свистнул!

– Не все, а некоторые, – поправил Дмитрий Романович, наливая девушкам борщ, – тогда, двести лет назад, считалось постыдным и неприличным воровать всё. Дремучее было время!

– Кстати, вы знаете, что ближайшим летом в нашей стране будет проводиться чемпионат мира по футболу? – спросила Женька. Все закивали – да, мол, доковылял этот слух до нашей глухой деревни. Женька продолжила, интригуяще надкусив пирожок с картошкой:

– А я теперь точно знаю, что Галька не наврала! Да, да, она видела упыря! И он ей не померещился.

– Зато мне померещилось, что моя сестра перестала быть идиоткой, – вздохнула Ирка. Она ещё ничего не знала о наглых выходках упырей у неё под носом, так как Маринка и вправду не отличалась дурной болтливостью.

– Ирочка, в твоей комнате был замечен упырь, – надела на Ирку Женька, – это произошло очень ранним утром, когда рояль уже смолк, а ты ещё не проснулась. Упырь в обличье попа сидел за столом и что-то писал гусиным пером на листе пергамента!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.